I
2810
623
3 Fo

1957 год

Biblioteka Jagiellońska

Fo 2973

На правахъ рукописи.

Оглашенію не подлежитъ.

I
2810

ЗАПИСКА

б. Костромского и Олонецкаго губернатора П. П. Шиловскаго.

О ЗАДАЧАХЪ
БЛИЖАЙШЕЙ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ.

I. Военное время и гражданское законодательство.

„Inter arma tacent leges", говоритъ латинская пословица: „во время войны не до законовъ", а развивая смыслъ этой классической поговорки, можно-бы сказать: во время войны и не до внутреннихъ реформъ, не до многословнаго обсужденія и изданія новыхъ законовъ,—вообще не до вопросовъ гражданскаго управленія. Вся главная забота, всѣ главныя силы, всѣ главные помыслы должны быть направлены на войну и только на войну. Это великая вещь—рѣшимость страны поставить войну и ея исходъ выше всего въ военное время; но мы серьезно оговоримся, что злоупотреблять этимъ положеніемъ и ложно толковать его не слѣдуетъ. Современная жизнь государства устроена такъ, что не всѣ граждане могутъ принимать физическое и активное участіе въ самой войнѣ и въ поддерживающей и питающей военныя силы работѣ. Сложный государственный организмъ требуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о себѣ—и этого забывать никогда не слѣдуетъ—весьма глубокихъ заботъ именно во время войны, когда ввиду общей нервности каждый ошибочный шагъ, ошибочная оріентація гражданской власти особо болѣзненно воспринимаются обществомъ; наконецъ, реформа—реформѣ рознь: сама война вызываетъ подчасъ безотложную необходимость внутреннихъ реформъ, реформъ административныхъ и реформъ законодательныхъ,—и потому великъ грѣхъ тѣхъ, кто, не участвуя ни въ войнѣ, ни въ военныхъ подготовленіяхъ, спокойно будетъ сидѣть въ бездѣліи и будетъ утѣшать себя и другихъ тѣмъ, что идетъ война и нечего особенно напрягать умъ о потребностяхъ нынѣшнихъ и грядущихъ гражданской жизни страны.

Само общество наше въ цѣломъ отнюдь не отстранило своего интереса къ гражданской жизни и въ наши тяжелые военные дни.

У всѣхъ,—какъ у людей, глубоко интересующихся жизнью своей страны и изучающихъ ее, такъ и у лицъ, касающихся жизни поверхностно, явно проскальзываетъ одно общее стремленіе—попытаться, отстранивъ завѣсу, за которою скрываются

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
№ 24012 1969 г.

H

отъ нашихъ взоровъ грядущіе дни, заглянуть вдаль и уловить, что ожидаетъ насъ послѣ войны или даже вообще въ ближайшемъ нашемъ будущемъ и на что мы всѣ должны готовиться.

Игнорировать это настроеніе, опорачивать его и отвѣчать на всѣ обращенія и требованія общества къ власти меланхолическими словами: нынѣ идетъ война, нечего думать о будущемъ—по меньшей мѣрѣ неделикатно, да и неразумно. О будущемъ нужно думать всегда, даже въ самыя критическія минуты жизни страны; это необходимо тѣмъ болѣе, что прозрѣть будущее—вещь вовсе не столь простая, а ошибка въ представленіи объ этомъ будущемъ обыкновенно уже влечетъ крахъ всѣхъ мѣръ и всей системы, построенныхъ не на тотъ порядокъ, который вдругъ обрисуется въ этомъ невѣдомомъ грядущемъ.

Говоря грубымъ языкомъ,—какая польза была-бы и отъ побѣдоносной кампаніи,—если бы вслѣдъ за ней тотчасъ-же, изъ за безталантливости и непредусмотрительности гражданскихъ властей, возникли-бы рѣзкіе безпорядки въ странѣ, пошло бы расчлененіе Имперіи, соціальная революція, просто народная смута и мятежи и т. д.

Окружающая жизнь показываетъ, что толкователей и прорицателей будущаго облика русской жизни вообще у насъ всегда было много. Въ зависимости отъ намѣчаемыхъ перспективъ грядущихъ дней разнятся другъ отъ друга и пріемы управленія, рекомендуемые приверженцами различныхъ нашихъ политическихъ доктринъ,—но дѣло отъ этого мало выясняется, и для всякаго осторожнаго и безпристрастнаго ума вопросы о томъ, пойдемъ ли мы по пути государственнаго развитія впередъ, двинемся ли назадъ, будемъ ли либеральны или консервативны,—наконецъ ждать ли намъ спокойной эволюціи или не миновать серьезныхъ государственныхъ потрясеній даже теперь—послѣ болѣе года войны—остаются вовсе ужъ не столь ясными и легко опредѣленно разрѣшаемыми.

Чтобы не дѣлать грубыхъ ошибокъ въ будущемъ, вспомнимъ, какъ ошибались наши прорицатели въ недавнемъ прошломъ. Россія не легко разгадываемая загадка и часто поистинѣ поражаетъ неожиданностями въ ходѣ своей исторіи.

Что говорилось передъ самой войной?

„Осторожные и мудрые государственные дѣятели“ и досужіе боязливые совѣтчики прорицали—воевать нельзя, такъ какъ сейчасъ же по объявленіи войны вспыхнетъ у насъ революція, рабочіе подымутъ мятежъ, инородцы отложатся отъ государственнаго ядра. Либералы въ общемъ были оптимистичнѣе. Война—говорилось у нихъ—заставитъ правительство немедленно же пойти на компромиссы съ свободолюбивыми требованіями общества; либеральныя реформы, равноправіе, парламентаризмъ не заставятъ себя ждать. Война сразу обновитъ зачахшую русскую внутреннюю жизнь.

Война разразилась, но за прошедшіе шестнадцать ея мѣсяцевъ ни возгорѣлась у насъ революція, ни объявились у насъ какія либо внутреннія реформы. Говоря просто — все, включая старыхъ дѣятелей и старые пріемы власти, осталось по старому. Какъ нѣчто новое — положимъ нѣчто весьма серьезное—но внѣпартійное, заслуживаетъ быть отмѣ-

ченнымъ лишь попытка къ всенародному отрезвленію; и еще можно упомянуть о развивающейся помощи войску чрезъ земскіе и общественные органы. Въ связи съ устраненіемъ отъ власти одного весьма ничтожнаго, собственно говоря, по калибру дѣятеля—въ іюнѣ мѣсяцѣ возбудились вновь чаянія о перемѣнѣ правительственнаго курса, но о новыхъ реформахъ и какихъ именно реформахъ—и рѣчи не поднималось. Мы уже знаемъ, что и предполагавшійся болѣе мягкій правительственный курсъ просуществовалъ недолго.

По извѣстной деликатности—разъ всѣ сражаются въ общихъ рядахъ—въ самомъ обществѣ все-же немного меньше поносятъ другъ друга октябристы, кадеты и лѣвые, ну и неловко уже обвинять огульно инородцевъ, кладущихъ жизнь за Россію наравнѣ съ коренными русскими,—въ давно приписанныхъ имъ стремленіяхъ отдѣлиться отъ русскаго ядра и основывать самостоятельныя республики.

Если мы это сравнимъ хотя бы съ тѣмъ, что уже сдѣлалось сразу у сосѣдей, съ приглашеніемъ, напр., опозиціи, включая лидеровъ соціалистовъ въ кабинеты союзныхъ съ нами государствъ для сплоченія власти съ обществомъ, съ примиреніемъ, напр., Ульстерцевъ и консерваторовъ съ радикальнымъ правительствомъ въ Англіи—намъ придется заключить, что сама по себѣ война пока не отразилась совершенно на внутренней жизни Россіи. Ничего новаго не дѣлается, опредѣленнаго и серьезнаго ничего не предпринимается, и о будущей работѣ, *о планомѣрной системѣ подготовки русской жизни къ принятію въ лучшихъ условіяхъ военной части населенія по заключеніи мира*—у насъ въ правящихъ, да и въ общественныхъ думскихъ кругахъ долгое время даже и рѣчи не было, или было—оговоримся—очень мало.

Коли все спокойно,—говорятъ въ частности консерваторы,—о чемъ же еще хлопотать, а о пайкахъ семьямъ обездоленныхъ войной—военное начальство само уже озаботилось. Что же касается народныхъ безпорядковъ вродѣ Московскаго—то достаточно лишь дать строгія инструкціи полиціи впредь не допускать таковыхъ и произвести „точное разслѣдованіе“ тому, что произошло.

Съ другой стороны,—выставившіе, наконецъ, чрезъ годъ войны родъ программы, наши прогрессисты—патріотически настроенные—стоятъ противъ осложненія положенія всего дѣла внутренними треніями,—не говоря уже о внутреннихъ массовыхъ протестахъ и безпорядкахъ. Это высоко патріотическое настроеніе учитывается въ свою пользу консерваторами—дѣло государственнаго управленія съ мѣста не сходитъ, а если и сходитъ, то по-истинѣ черепашьими шагами.

Итакъ, война пока не оправдала предсказаній и широкихъ чаяній ни государственныхъ пессимистовъ, ни государственныхъ оптимистовъ.

Но, можетъ быть, война повлечетъ за собою, если не сейчасъ, то въ дальнѣйшемъ громадныя послѣдствія, и теперешнее затишье есть затишье предъ грядущимъ горячимъ временемъ государственнаго творчества; нельзя ли опять-таки предусмотрѣть и предсказать, что явится запросами внутренней жизни тотчасъ же по окончаніи войны?

II. Теченіе и исходъ кампаніи и вліяніе ихъ на законодательство.

При разрѣшеніи вопроса о томъ, что ждетъ нашу гражданскую жизнь впереди, часто слышишь мнѣніе, что военная побѣда будетъ значить и укрѣпленіе нашей реакціонной внутренней политики, политики послѣднихъ лѣтъ; побѣда оправдаетъ и утвердитъ ее; военная неудача—повлечетъ внутреннее недовольство и либеральныя реформы. Утвержденіе это странное, а по существу нелѣпое, заставляетъ, однако, идя логическимъ путемъ иныхъ нашихъ прогрессистовъ поистинѣ бояться побѣды.

Конечно, если бы намъ, напр., удалось въ двѣ, три недѣли разбить нѣмцевъ, занять Берлинъ, заключить блестящій миръ, ошеломивъ враговъ (да и самихъ себя) поразительной подготовкой арміи, замѣчательнымъ техническимъ совершенствомъ ея, хозяйственной распорядительностью—первые лавры принадлежали бы нашему правительству, и возможно, его политика, его курсъ надолгое время закрѣпились бы; но, вѣдь, о такомъ положеніи дѣла намъ теперь нечего и говорить, и это разъ навсегда нужно запомнить. Если побѣда намъ и дастся, то цѣной величайшихъ усилій и жертвъ, а при такихъ обстоятельствахъ мы торопимся предупредить нашихъ читателей воздерживаться и самымъ серьезнымъ образомъ отъ поверхностнаго связыванія голаго факта побѣды или неудачи военныхъ съ расцвѣтомъ или регрессомъ дальнѣйшей гражданской жизни страны.

Если мы возьмемся за всемірную исторію, мы, какъ общее правило, увидимъ, что побѣда народа всегда влекла за собой и расцвѣтъ гражданственности. Это положеніе—безспорное въ классической исторіи и въ исторіи новѣйшей, и страннымъ,—на первый взглядъ,—исключеніемъ является здѣсь лишь наша родина. Тутъ, дѣйствительно, каждый разъ военная неудача, „пожаръ“—„не мало способствовалъ ея—нашей родины—украшенію“: послѣ Севастополя—великія реформы, Японской войны—конституція или подобіе ея, а послѣ величайшей отечественной войны 1812 года—Аракчеевщина и время Николая I-го; послѣ все же удачной Турецкой войны—консервативное правленіе Александра III-го...

На первый взглядъ эти сопоставленія прямо-таки поражаютъ, равно какъ кажущимся подтвержденіемъ связи между военнымъ несчастіемъ и прогрессомъ внутренней жизни—является и недавно пережитое явленіе: пока военныя дѣла шли удовлетворительно—о созывѣ Государственной Думы и смѣнѣ крайнихъ реакціонеровъ въ Совѣтѣ Министровъ и заикаться нельзя было;—стоило нагрянуть неудачѣ въ Галиціи—и мы сдѣлались свидѣтелями временной, болѣе сдержанной внутренней политики и рѣшенія допустить созывъ Думы. Теперь съ спокойствіемъ на фронтѣ опять укрѣпилась реакція... Однако, повторяемъ, по внимательномъ анализѣ всего дѣла, все представляется совсѣмъ не столь страннымъ и необъяснимымъ.

Приступая къ этому анализу, мы лишь просимъ читателей согласиться съ однимъ основнымъ нашимъ положеніемъ, безспорнымъ въ современной наукѣ, но мало принятымъ въ жизни и политикѣ: единичныя лица вкладываютъ свое въ ходъ управленія государствомъ, но гораздо болѣе могущественнымъ фак-

торомъ общаго теченія внутренней политики являются стремленія и политическія тенденціи, какъ организованныхъ, такъ и неорганизованныхъ массъ населеніи. Въ Россіи массы населенія, вслѣдствіе—будемъ говорить просто и откровенно—крайней, исключительной политической неразвитости ихъ—инертны политически въ нормальное время, да и въ началѣ войнъ, и двигателями политики въ это время всегда являлись организованныя, численно сравнительно незначительныя, но спаянныя дисциплиной сословныя, правительственныя группы. Лишь за послѣдніе годы можно замѣтить у насъ скромныя проявленія политическихъ требованій болѣе обширной группы интеллигенціи, отвоевывающей понемногу нѣкоторыя позиціи. Есть попытки и у соціалистической группы поднять свой голосъ.

Поднимая всю толщу многомилліонной жизни народа, война несомнѣнно вызываетъ изъ покоя и инертныя массы, и онѣ, нося уже извѣстную активность, получаютъ наконецъ способность вліять находъ гражданской жизни страны гораздо болѣе, чѣмъ въ мирное время; это общее правило исторіи; но сама по себѣ удача или неудача кампаніи еще не играетъ рѣшающей роли на дальнѣйшую внутреннюю политику; нѣчто иное является тутъ рѣшающимъ факторомъ. Конечно, военная неудача легче вызываетъ въ народномъ организмѣ критику дѣйствующаго порядка, исканіе лучшаго,—при консервативномъ строѣ поддержку массами дѣятелей, ищущихъ новыхъ формъ гражданской жизни, т. е. прогрессистовъ и радикаловъ и часто влечетъ прогрессъ внутренней жизни; но мы прежде всего очень отмѣчаемъ слова „военная неудача“,—а не разгромъ, не рѣшительная, унизительная, поражающая весь организмъ побѣда, одержанная противникомъ. Севастополь, Мукденъ были ударами по Россіи, но не разгромомъ ея. Человѣка туговатаго на соображеніе, ничего кромѣ хлѣба насущнаго не ищущаго, расшевелить не легко; чтобы сдѣлать его активнымъ факторомъ, нужно дѣйствительно чѣмъ-либо поразить, ошеломить его, и такими ударами по русской нечувствительной толщѣ и были Севастополь и Мукденъ.

Но массовыя движенія и настроенія и вызывающія ихъ причины весьма близки къ законамъ механики, и какъ въ механикѣ размѣръ возбуждающей причины даетъ силу пришедшей въ движеніе массѣ, такъ и въ политикѣ излишекъ возбужденія вызываетъ весьма пагубный политическій эксцессъ народныхъ толщъ; всѣ крайности аграрныя и рабочія народныхъ массъ въ минувшіе смутные годы потому и слѣдуетъ объяснять тѣмъ эксцессомъ разочарованія и возбужденія, которымъ пропитались массы за Японскую кампанію, когда дѣйствительно все вокругъ было изъ рукъ вонъ плохо.

Теперь, съ каждымъ десятилѣтіемъ, русскій народъ въ его массѣ дѣлается болѣе внимательнымъ и воспріимчивымъ къ широкимъ запросамъ жизни, и конечно если бы въ текущую войну наше войско и общество получило тѣ же впечатлѣнія непорядка сверху до низу, какія дала Японская война,—это равнозначило бы, дѣйствительно, полному разочарованію во власти, новому озлобленію на нее, т. е. революціи и въ случаѣ отсутствія центростремительныхъ факторовъ, вѣроятнѣе всего,—анархіи и распаденію государства. Но отъ такого хода исторіи мы уже гарантированы. Никому не тайна,

что все дѣло подготовки войскъ, ихъ снабженія и снаряженія, питанія и руководительства были поставлены до послѣдняго времени несравненно выше прошлой кампаніи. Боевое офицерство, высшій боевой командный составъ мало или почти не встрѣчаютъ прежней критики. Огульнаго недовольства или массоваго озлобленія, несмотря на частичныя и весьма значительныя несовершенства дѣла, за первые десять мѣсяцевъ кампаніи совсѣмъ не было, и по впечатлѣніямъ этихъ десяти мѣсяцевъ быть пессимистами о нашемъ будущемъ было нечего. Іюнь мѣсяцъ принесъ зловѣщіе слухи о связи недостатка снабженія арміи снарядами, отступленія изъ Галиціи съ какими то гнусными злоупотребленіями и преступной нераспорядительностью центральныхъ военныхъ властей. Если это правда—ни нація, ни вся армія этого не простятъ, тѣмъ болѣе что военное вѣдомство отстранило на время войны сотрудничество съ военной комиссіей Государственной Думы. Но есть основанія вѣрить, что недостатокъ снарядовъ былъ главнѣйше вызванъ и иными внѣ насъ стоящими условіями, что онъ былъ зломъ временнымъ; а тогда все вышесказанное и что мы скажемъ далѣе не теряетъ своего значенія и силы. Не забудемъ только, что при оцѣнкѣ всѣхъ несовершенствъ нашей теперешней жизни масса сдѣлалась, какъ выше сказано, гораздо впечатлительнѣе, воспріимчивѣе, и помимо всего—новыхъ впечатлѣній для массы безконечное количество. Предъ глазами открывается невиданно богатая, уравновѣшенная, спокойная фермерская жизнь сельско-хозяйственной Пруссіи съ ея умнымъ попечительнымъ начальствомъ, интересная родственная Галиція, чудныя ея дороги, цивилизованныя средства сообщеній; техническое, организаціонное, машинное—прямо таки поразительное и для насъ обидное превосходство врага; соратничество съ инородцами въ общемъ военномъ дѣлѣ; сложнѣйшія и интереснѣйшія впечатлѣнія сотенъ тысячъ плѣнныхъ о долгомѣсячной проведенной жизни въ чужой странѣ; наконецъ—особенно въ случаѣ побѣды—повышенное сознаніе милліоновъ людей о собственномъ достоинствѣ, ввиду выполненнаго великаго тяжелаго долга предъ родиной. Все это, включенное въ рамки спокойнаго, чуждаго озлобленія анализа есть величайшій стимулъ для развитія въ милліонныхъ массахъ строгой здоровой политической критики и есть *величайшей силы стимулъ положительнаго качества къ проявленію разумной политической активности въ массахъ*, столь недостающей нашему политическому строю.

Вѣдь это ужасная же вещь: мы до сего времени имѣли дѣло или съ безразличной ко всему, все претерпѣвающей и молчащей массой, или толпой, безумно возбужденной, требующей раздѣла сосѣдняго барскаго поля и разгрома многоэтажной фабрики разбогатѣвшаго купца!.. Вся наша реакція основана и питается этой смѣсью и чередованіемъ нелѣпыхъ крайностей, и все горе нашего умѣреннаго прогрессизма, что наши массы въ мирное время игнорируютъ его и чужды здоровой политической критики, а въ моменты политическаго возбужденія страны политически озлобляются на власть, считаютъ уже умѣренный прогрессизмъ недостаточнымъ и не поддерживаютъ его.

Потому то наше мнѣніе,—что нынѣшняя война какъ при неуспѣхѣ ея, такъ и при успѣхѣ, достигнутомъ недешевой цѣной,—*а вѣдь иного-то успѣха случиться не можетъ уже*—на много подыметъ разумную политическую активность массъ нашего народонаселенія. Нѣтъ основаній предполагать, что эти массы поддержатъ политическія требованія нашихъ крайнихъ партій, вызовутъ революцію, такъ какъ общаго озлобленія—повторяемъ—на власть пока рѣшительно незамѣтно; опять таки думать, что оно явится — серьезныхъ основаній пока нѣтъ *), т. к. повидимому само населеніе начинаетъ пріобщаться къ общей работѣ въ тылу арміи, т. е. возьметъ на себя и часть отвѣтственности за исходъ дѣла. Должно вмѣстѣ съ тѣмъ признать безспорнымъ, что общее требованіе упорядоченія жизни, введенія ея въ спокойныя рамки матеріальнаго и моральнаго довольства, требованіе признанія личнаго достоинства и требованіе отъ властей закономѣрности, бо́льшаго таланта и благожелательства будутъ стихійно проявленными народными требованіями; ихъ всемѣрно поддержитъ группа интеллигенціи и ихъ—хотѣлось бы надѣяться,—вѣроятно признаетъ хотя и съ запозданіемъ и правительственная власть, а если эта власть будетъ проницательна и мудра, то она уже заблаговременно, *отнюдь не дожидаясь конца войны*, пойдетъ навстрѣчу этимъ требованіямъ разумнымъ и законнымъ внутренняго гражданскаго развитія страны.

III. Каковы будутъ домогательства реформъ?

Высказанное мнѣніе наше, что послѣдствіемъ успѣшной или, чего не дай Господи, средне неуспѣшной войны явится повышенная политическая активность массъ населенія въ рамкахъ умѣренныхъ стремленій къ матеріальному и моральному прогрессу—не всѣхъ читателей удовлетворитъ.

Что значатъ эти общія фразы?—скажутъ намъ:—отвѣтьте ясно, будетъ ли у насъ либеральное правительство или нѣтъ? будетъ ли свобода слова, собраній, печати или нѣтъ? будетъ ли измѣненъ избирательный законъ? будетъ-ли отвѣтственное министерство?

Къ сожалѣнію, на эти вопросы мы сейчасъ еще не можемъ отвѣтить, но предложимъ нашимъ читателямъ прослѣдить мыслью за тѣмъ, какія впечатлѣнія охватятъ нашего средняго достатка крестьянина-воина, какъ только онъ покинетъ строй и направится водворяться въ родное село. Не поможетъ ли это намъ въ разрѣшеніи этихъ и имъ подобныхъ частныхъ вопросовъ? Затѣмъ поверхностно коснемся о воинѣ-рабочемъ и воинѣ-интеллигентѣ и посмотримъ, какъ и ихъ настроеніе выльется по отношенію къ политикѣ страны.

Изъ какой обстановки выйдетъ по окончаніи войны нашъ нижній чинъ многомилліонной россійской рати, что онъ вспомнитъ? Какъ общее правило: прекрасное питаніе; хорошій медицинскій уходъ; въ частныхъ лазаретахъ—подчасъ сердечный уходъ; почтеннаго полкового батюшку безмездно совершающаго

*) Лишь за послѣднее время обезпокоивающимъ явленіемъ начинаетъ обрисовываться недовольство массъ на продовольственную неурядицу.

требы; попечительное (за эту войну—это общій голосъ) начальство ближайшее; подчасъ вниманіе высокаго начальства; общій порядокъ; трезвость. Прибавимъ къ этому впечатлѣнія о нововиданныхъ странахъ, гдѣ многое не по нашему, гдѣ какой то особый порядокъ, особое досадно завидное крестьянское благосостояніе, особое практическое, умное, все предвидящее начальство.

Обратимся теперь къ новымъ, домашнимъ впечатлѣніямъ, нашего путешественника. Да простятъ намъ нѣсколько легкій фельетонный характеръ послѣдующаго изложенія.

Прежде всего, поѣздъ везущій нашего воина на родину окажется опоздавшимъ часа на четыре, подходя къ узловой станціи, а поѣздъ, имѣвшій далѣе везти его,—уже ушедшимъ со станціи. Что же дѣлать? Сидѣть 20 часовъ и знать, что лишнія сутки будутъ въ деревнѣ ждать жена и дѣти, коимъ двѣ недѣли тому назадъ послано было письмо. Но вотъ дѣло оказывается хуже: поѣздъ слѣдующаго дня прибываетъ своевременно, но переполненъ; билетовъ на него не продаютъ и въ вагонъ не пускаютъ:—подожди еще съ полусотней злополучныхъ пассажировъ на платформѣ, гдѣ даже и скамеекъ нѣтъ для не-господъ пассажировъ третьяго класса. Увы! наша обычная провинціальная картинка! Но все-же, предположимъ, за полтинникъ сжалился кондукторъ, посадилъ „зайцемъ“ нашего георгіевскаго кавалера, и вотъ наконецъ и милая станція, и милое сердцу село,—да еще въ храмовой праздникъ. Пріѣздъ для семьи оказывается неожиданнымъ, такъ какъ сельской почты не заведено, а на село съ почтовымъ отдѣленіемъ особыхъ оказій изъ деревни не было за послѣднее время, да и вообще письма часто и теряются и зачитываются просто любопытными—не исключая и низшихъ властей: не пишетъ ли гдѣ кто-либо чего-либо незаконнаго.

Дѣла у насъ будто бы такъ идутъ, что къ концу кампаніи можно ожидать и открытія монополіи. Картина: съ одной стороны улицы идетъ съ крестомъ и кулькомъ для сбора яицъ, хлѣба и приношеній мѣстный захудалый батюшка, съ другой стороны—несется крикъ, гамъ и галдежъ распивающаго ведро „общества“. Ко всей картинѣ еще—три разъѣзжающіе съ нагайками блюстителя порядка, готовые „пресѣчь эксцессы“, если сіе потребуется..... Къ вечеру уже гдѣ то бьются палками стекла оконъ, а гдѣ то въ концѣ деревни хлещутъ буяновъ исполнительные стражи.....

Но у героя нашего время занятое: на слѣдующій день нужно ѣхать въ городъ къ земскому начальнику: умеръ двоюродный дядя, жившій въ столицѣ, и ему, какъ говорятъ, оставилъ по завѣщанію сотню рублей и хуторской участокъ. Спорятъ, однако, его родные племянники, говорятъ—не имѣлъ права ихъ обходить. Нужно справиться у Земскаго: какой по такому дѣлу есть законъ. Земскаго, конечно, дома не оказывается: „въ гостяхъ“, но въ канцеляріи на счастье умный и толковый письмоводитель; онъ откровенно говоритъ—законовъ по наслѣдованію для крестьянъ не писано; такіе законы писаны только для дворянъ, купцовъ и горожанъ: у крестьянъ дѣло рѣшается „по обычаю“, а каковъ по такому дѣлу обычай—никогда никто и не зналъ и не знаетъ нынѣ. Да еще добавляетъ: дѣлу такому

не миновать дойти по жалобамъ до съѣзда, да и до губернскаго присутствія: года черезъ три или четыре придетъ окончательное рѣшеніе. Попроще дѣла, о дракахъ, обидахъ,—и то ранѣе года, двухъ никогда не кончаются..... За справками, выжиданіемъ пріема властями, скромными покупками, прошло много времени и пришлось заночевать на постояломъ рабочемъ дворѣ.

Чу! Брань, шумъ, стуки ночью. Что это?—Полиція „повѣряетъ безпаспортныхъ"—новый приказъ вышелъ: и нашего героя, оставившаго на справку свою книжку у воинскаго начальника—какъ безпаспортнаго тащатъ съ воришками и бродягами въ участокъ.... утромъ разберемся на досугѣ, кто правъ, кто не правъ.

Не будемъ идти далѣе въ описаніи безотвѣтнаго положенія нашего многомилліоннаго низшаго люда, не коснемся—какъ ни будь то заманчиво—ни вопросовъ экономическихъ, ни путаныхъ вопросовъ земельныхъ. Уже достаточно сказаннаго, чтобы придти къ заключенію, что дѣло обстоитъ у насъ въ деревнѣ совсѣмъ не такъ ужъ ладно, что только очень безразличная ко всему и некультурная масса нашего крестьянства можетъ мириться и сживаться съ порядками нынѣшней деревни и города и что въ частности—у героя нашего несомнѣнно немедленно же разовьется крайне отрицательное отношеніе къ встрѣченному строю той жизни, отвыкнуть отъ которой онъ уже за долгое военное время успѣлъ.

Тутъ мы и подходимъ къ кульминаціонному пункту нашего изложенія. Постараемся кратко и опредѣленно изложить его.

Послѣ военной неудачи и вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ *полнаго разочарованія во власти* — нашъ герой, а за нимъ сотни тысячъ ему подобныхъ завопили бы: долой власть, долой высшіе классы, долой система правленія—и пошли бы за вожаками крайнихъ партій: поддержали бы революцію.

При военной неудачѣ,—*не соединенной, однако, съ разочарованіемъ во власти*,—или недешевой военной удачѣ, повысившихъ разумно-критическое отношеніе массъ къ власти — вернувшіяся части сельскаго населенія станутъ всюду, при всѣхъ случаяхъ, при всѣхъ возможностяхъ упорно, настоятельно указывать на рѣжущіе ихъ глаза непорядки своей жизни, жаловаться по начальству, составлять приговоры, обсуждать на сходахъ, въ земствѣ, въ Государственной Думѣ больные вопросы, настаивать на ихъ излеченіи, прислушиваться и поддерживать людей практическаго опыта, изъ тѣхъ, что умомъ охватятъ трагизмъ непорядка нынѣшней деревни и необходимость рѣшительной ея практической реформы.

Десятками и сотнями тысячъ незримыхъ нитей эти политическія разумныя настроенія низшаго люда и вожделѣнія практическихъ реформъ просочатся изъ деревни въ городъ, привлекутъ къ себѣ вниманіе литературы, публицистики, интеллигенціи. Лучшая часть, болѣе проницательная, бюрократіи станетъ за эти реформы. Въ Представительныхъ Учрежденіяхъ всѣ, безъ различія партій, заговорятъ о ихъ неминуемости....

Конечно, всегда, во всѣ времена, даже при крайнихъ обстоятельствахъ найдутся въ государствѣ дѣятели тупые, упор-

ные, коихъ ничѣмъ не проймешь, и они будутъ говорить, что все у насъ благополучно, что всѣ эти реформы вздоръ, ничего массамъ не нужно, а нужно лишь хорошенько всѣхъ подтянуть и назначить „хорошихъ губернаторовъ“ повсюду. Въ дни революціи эти совѣтчики обыкновенно сами талантливо исчезаютъ и бросаютъ свои принципы и тѣхъ, кто имъ ввѣрился на произволъ судьбы; въ эпоху эволюціонной жизни—они просто замолкаютъ, когда убѣждаются, что изъ ихъ братьи остались всего лишь десятки, и что упорствовать имъ уже и невыгодно.

Вотъ—здоровый ходъ эволюціи прогресса,—къ сожалѣнію почти чуждый нашей политической жизни по сіе время.

А вѣдь что значатъ только что нами упомянутыя разочарованія и домогательства нашего героя? Впечатлѣніе о ходящемъ за яйцами и хлѣбомъ клирѣ, о неизвѣстно куда идущемъ еженедѣльномъ тарелочномъ въ церкви сборѣ, объ увозѣ процентныхъ бумагъ церкви въ консисторію,—да вѣдь это не что иное, какъ *требованіе церковной реформы*, реформы прихода. Что такое жалоба на „обычай“ и безконечное веденіе судебнаго дѣла въ волостномъ судѣ?—это искательство *судебной реформы* и пересмотра нашего гражданскаго права, а тутъ рядомъ и *реформы полиціи*.

Эти реформы — давно назрѣвшія, неизбѣжность ихъ всѣмъ людямъ проницательнымъ давно ясна; но что же дѣлать, когда масса ихъ не требуетъ, интеллигенція ими мало интересуется, Представительныя Учрежденія о нихъ молчатъ,—а бюрократія потому естественно болѣе чего иного углублена въ вопросы, кто кого съѣстъ—какой нибудь Александръ Лукичъ Николая Васильевича, или Николай Васильевичъ Александра Лукича...

Мы обѣщали иллюстрировать и впечатлѣніе воина-рабочаго и воина-интеллигента. Тутъ мы будемъ кратки и скажемъ лишь,—каково будетъ положеніе исполнительной власти, когда напр., комитетъ какой либо мирной стачки или профессіональнаго общества, каковой обыкновенно съ такимъ аппетитомъ при малѣйшемъ поводѣ забирается и „ликвидируется“ охраннымъ отдѣленіемъ, окажется состоящимъ изъ трехъ, четырехъ георгіевскихъ кавалеровъ? Что если лидеръ „зловредныхъ кадетовъ“ въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ окажется также украшеннымъ военными орденами съ мечами и—кромѣ того—прострѣленнымъ нѣсколькими вражескими пулями въ бокъ?

На войнѣ проливаютъ кровь и кладутъ головы за родину не одни лишь „члены союза русскаго народа“ и не одни лица, получившія полицейскія свидѣтельства о благонадежности отъ властей...

О чемъ такого обвиняемаго будутъ спрашивать и какъ будутъ держаться съ нимъ вопрошающіе чины, носящіе военную форму, а въ такую войну, какъ эта, даже и пороху не понюхавшіе и о войнѣ знавшіе лишь изъ газетъ?

Было бы нелѣпо думать, что изложенное значитъ, что послѣ войны властямъ слѣдуетъ стушеваться и кто палку взялъ—тотъ пусть будетъ и капралъ.

Совершенно нѣтъ: и послѣ войны нашему не соціалистическому обществу, обществу государственному, придется бороться

противъ тенденціи рабочаго и аграрнаго соціализма, придется бороться и противъ крайнихъ радикальныхъ реформаторовъ,— но бороться придется, уважая болѣе чѣмъ нынѣ личность врага и болѣе признавая право на существованіе даже перечащихъ намъ политическихъ доктринъ.

А что значитъ проведеніе въ жизнь только что высказаннаго общаго положенія уваженія къ политическому врагу? Это прежде всего—изданіе и руководство законами *о свободѣ слова, печати, собраній и мирныхъ стачекъ*, и изданіе законовъ матеріальнаго уголовнаго права, точно устанавливающихъ, что есть пользованіе и что есть злоупотребленіе сими свободами.

Къ чему же привело насъ наше положеніе? Постараемся формулировать это:

Завершеніе войны, поднявъ въ массахъ чувство гражданскаго достоинства и исканіе лучшихъ условій матеріальнаго и моральнаго существованія, подыметъ политическую активность массъ въ направленіи домогательства разумныхъ прогрессивныхъ реформъ: церковныхъ, экономическихъ, судебныхъ и административныхъ.

Изъ сего заключеніе слѣдующее: уже пора, не ссылаясь на изреченіе „inter arma silent leges“ заняться разработкой и обдумываніемъ тѣхъ реформъ, каковыя политическая предусмотрительность заставляетъ считать насущными уже теперь.

Наилучшимъ было бы, чтобы наше воинство, вернувшись по домамъ, уже сразу почувствовало, что что то сдѣлано, что когда они воевали, ихъ гражданской жизни братья тоже не дремали, а дѣлали свое большое дѣло, внесли и свою лепту въ общую сокровищницу государственной жизни родной страны.

Это—идеальное сочетаніе военной и гражданской мощи въ странѣ, и какъ бы хотѣлось—чтобы такое сочетаніе имѣло у насъ мѣсто!

IV. Основы политической программы.

Въ предыдущемъ изложеніи мы старались доказать, что послѣдствіемъ войны, будь она вполнѣ удачна, средне удачна и даже—чего упаси Господи — средне неудачна, — неминуемъ будетъ подъемъ политической активности массъ въ формѣ разумныхъ, умѣренныхъ, но настоятельныхъ требованій матеріальнаго и политическаго прогресса нашей внутренней жизни.

Увѣнчаются ли успѣхомъ эти домогательства массъ еще до войны, сразу послѣ войны, наконецъ черезъ годъ, черезъ два, черезъ три послѣ войны, эволюціоннымъ путемъ—или все же путемъ серьезныхъ внутреннихъ потрясеній — сказать теперь очень трудно. Весьма многое будетъ зависѣть отъ позиціи, которую займутъ держащія нынѣ власть въ рукахъ группы и въ частности правительство; весьма многое будетъ зависѣть и отъ того, будетъ ли сразу всеобщимъ, всезахватывающимъ новое настроеніе и дастъ ли оно талантливыхъ представителей, готовыхъ не только безъ колебаній отказаться отъ рутины нынѣшняго строя,— но способныхъ и предложить взамѣнъ ему желѣзную организацію правового порядка.

Мы предупреждаемъ читателей, что намъ обрисовывается недалекое желательное будущее не какъ время внѣшне блестя-

щихъ реформъ, показного фейерверка законодательной работы, а какъ годы колоссальной по объему и по отдѣлкѣ—практической переработки всѣхъ отраслей управленія государства.

Вѣдь говоря откровенно—всюду, куда ни посмотришь у насъ, все крайне технически плохо и запущено; думается, что и держится все только благодаря общему несомнѣнному паденію моральнаго чувства, энергіи и требовательности нашего времени.

Говорятъ о чиновникѣ, что онъ безталантливъ и нечистоплотенъ; намъ отвѣчаютъ—за то онъ „нашъ“, поддерживаетъ наши воззрѣнія и—обходительный человѣкъ; говорятъ о другомъ, что онъ воръ,—отвѣчаютъ, но за то онъ талантливъ; говорятъ, что низшіе служащіе цѣлаго такого то установленія, не довольствуясь жалованьемъ, всѣ живутъ на добровольныя приношенія,—слышишь отвѣтъ, да что же дѣлать, жизнь ужъ очень дорога стала... Нынѣ мы ужъ слишкомъ легко миримся со всякой мерзостью и грязью и не протестуемъ ни противъ чего, какъ бы оно ни заслуживало протеста; но отъ такого индиферентизма и безволія мы повидимому очень скоро уйдемъ, и тогда наше будущее представится несомнѣнно въ лучшемъ свѣтѣ.

Но сейчасъ покинемъ подобныя соображенія общаго характера, а исходя изъ положенія объ имѣющей повыситься требовательности жизни, займемся непосредственно вопросомъ, что теперешнему правительству слѣдовало бы предпринять, если бы оно лично или по приказанію свыше пришло къ рѣшимости подготовить спокойное эволюціонное развитіе нашего грядущаго политическаго и экономическаго строя.

Другими словами, набросаемъ ту первоначальную *политическую программу*, которую хотѣлось бы, чтобы сразу поддержали какъ политическіе дѣятели, такъ и литература и публицистика, а наконецъ и правительство и Представительныя Учрежденія.

Нами рекомендуемая программа ближайшей реформаторской дѣятельности слѣдующая.

Въ краевой уголъ всей реформы необходимо положить *Имперскую реформу судебную*. Въ настоящее время съ вопросомъ о судебной реформѣ у насъ связано какое то комическое недоразумѣніе. До Манифеста о свободахъ, всѣ Министры Юстиціи предпринимали бо́льшія или меньшія экскурсіи въ область переустройства своего вѣдомства, а при Министрѣ Муравьевѣ вѣсъ одного экземпляра „трудовъ“ по проектированной имъ реформѣ достигалъ десятка пудовъ.

Вышелъ Манифестъ 17-го Октября, въ корнѣ поколебавшій нашъ государственный и судебный строй,—а о судебной реформѣ перестали даже и говорить; будто бы тотъ строй, который признавали устарѣвшимъ и желали реформировать Манасеинъ, Набоковъ и Муравьевъ—именно особо оказался подходящимъ къ новымъ требованіямъ новообновленной свободной Россіи!

А въ какомъ положеніи пребываетъ наше судебное дѣло нынѣ?

Не будемъ скрывать правды: оно поистинѣ ужасное: у семи восьмыхъ коренного населенія нѣтъ гражданскаго кодекса. Таковой—X томъ—распространенъ (мы уже ранѣе упоминали о томъ) лишь на дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и горожанъ;

крестьяне же вѣдаются въ исковыхъ дѣлахъ и по наслѣдію „по обычаю".

Другими словами, при Ярославѣ Мудромъ дѣло стояло технически выше: тогда былъ кодексъ и даже довольно точный и всесословный.

Теперь, быть руководимымъ X-мъ томомъ—тоже не особая привиллегія, такъ какъ въ дѣйствительности суды руководствуются не имъ (X-й томъ краснорѣчиво молчитъ по всѣмъ спорнымъ вопросамъ), а Сенатскими безчисленными, подчасъ противурѣчивыми разъясненіями. Смѣшно подчасъ бываетъ слушать нашихъ наивныхъ патріотовъ, желающихъ ввести „русскій законъ" въ Польшу, гдѣ принятъ прекрасный „Code Napoleon" и въ Прибалтійскія губерніи, гдѣ имѣется свой—хотя и устарѣлый, но все же довольно точный кодексъ гражданскаго права! Отмѣнить эти законы легко, но что поставить на ихъ мѣсто? Отвѣтъ на это одинъ: нужно поставить талантливый новый Имперскій гражданскій кодексъ.

Процессуальная часть нашего вѣдомства—это ужъ что то въ конецъ безнадежное: самое глупое, ничего не стоящее дѣло ругани, обиды, взысканія десяти рублей рѣшается и приводится въ исполненіе по минованіи всѣхъ инстанцій не ранѣе, какъ черезъ одинъ, два, три года послѣ жалобы; большіе процессы тянутся по десятку лѣтъ. Гражданская исполнительная и нотаріальная часть по формализму и мелочнымъ придиркамъ своимъ нетерпимы для цивилизующагося и экономически жизненнаго государства. На почвѣ явнаго недостатка репрессивности и медленности теперешняго суда выросла и процвѣтаетъ цѣлая сложная система административной юрисдикціи. Тутъ уже не о жандармскихъ административныхъ карахъ идетъ рѣчь; вовсе нѣтъ: хулиганство, простое пьянство, неисполненіе городскихъ правилъ караются не судебными приговорами, а по докладу околоточныхъ своему полицейскому начальству.

Мы считаемъ въ первую голову необходимыми: 1) разработку новаго Имперскаго гражданскаго уложенія съ введеніемъ въ него главы о наслѣдованіи по малымъ земельнымъ имуществамъ, имѣющей включить въ себя дѣла нашего крестьянства, главы о правовомъ положеніи надѣльныхъ земель и новыхъ личныхъ участковыхъ владѣній. 2) Далѣе необходима переработка проекта новаго уголовнаго уложенія съ внесеніемъ въ него всѣхъ измѣненій, вытекающихъ изъ нормъ Манифеста 17 октября 1906 г. со включеніемъ главъ о нарушеніи законовъ о политической свободѣ слова, печати и собраній—т. е. должны быть выработаны и точныя, опредѣленныя и строгія нормы о размѣрѣ и границахъ сихъ свободъ. 3) Абсолютно нужно реформировать наше судебное устройство—процессуальную часть, приближая его въ цѣляхъ ускоренія производства къ англійской системѣ, т. е. повысивъ достоинство и качество судей, уменьшивъ безконечное бумагописаніе и формализмъ и предоставивъ судьямъ окончательно рѣшать и приводить въ исполненіе болѣе мелкія и безспорныя дѣла. 4) По введеніи всего этого—(но не раньше)—обязательно совершенно уничтожить жандармскую и административную юстицію—учрежденіе нетерпимое въ цивилизованномъ государствѣ и по существу нелѣпое разъ есть удовлетворительный судъ.

Сказанное въ этихъ пунктахъ есть приглашеніе вѣдомства и общества къ громадной и напряженной внутренней творческой работѣ,—но что же дѣлать—внѣ такой работы прогресса нашей жизни нѣтъ и не будетъ, и это нужно твердо и безповоротно разъ навсегда признать, такъ же, какъ и слѣдуетъ помнить, что и къ типу цивилизованнаго правового государства мы безъ этихъ реформъ не придемъ.

Во вторую очередь мы поставили бы настоянія о *реформѣ православнаго духовнаго вѣдомства.* Противу общаго мнѣнія мы полагаемъ, что эта реформа не такъ сложна и деликатна, какъ думаютъ многіе. Лишь нужно къ ней подойти съ чистымъ сердцемъ, откровенностью и съ извѣстной долей рѣшимости. Нужно высказать точно и опредѣленно директивы высшимъ пастырямъ,—а тамъ дѣло и само собой пойдетъ; нужно твердо высказать, что россійское духовенство должно быть учрежденіемъ возможно далекимъ отъ политики и политиканства; оно болѣе другихъ—учрежденіе внѣпартійное, подымающее слово по недуховнымъ вопросамъ лишь въ моменты великихъ народныхъ бѣдствій и потрясеній; духовное сословіе въ обычное время отнюдь не отдано подъ руководство и во власть отдѣльныхъ политическихъ партій; и въ частности нашимъ крайнимъ консервативнымъ партіямъ должно отказаться отъ привычки считать епархіальныхъ архіереевъ за своихъ представителей, а духовенство чуть ли не за своихъ агентовъ. Государственная задача мѣстнаго духовенства нравственно цивилизаторская: смягченіе грубости деревни, призывъ къ общей честности, порядочности, чистотѣ жизни, трезвости и гражданскому достоинству; учрежденіе филантропическихъ установленій, исполненіе духовныхъ требъ.

Затѣмъ должна быть введена строжайшая отчетность за всѣми церковными поступленіями, включая громадные сборы на чтимыя иконы и т. п.,—съ обращеніемъ сихъ суммъ ни въ коемъ случаѣ не въ пользу отдѣльныхъ лицъ высшаго и низшаго клира, а исключительно на духовныя филантропическія учрежденія при условіи публикаціи отчетовъ по нимъ вѣдомства. Послѣ войны, въ каковой православные, старовѣры, католики, протестанты одинаково лили кровь за существованіе и мощь общей родины—должна быть признана полная свобода богослуженій, бракосочетаній, перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое; должно быть допущено даже право закономѣрной корректной вѣроисповѣдной агитаціи.

Дальнѣйшія реформы: обезпеченность духовенства, безвозмездность требъ; пріуроченіе церковныхъ праздниковъ къ воскреснымъ днямъ и уничтоженіе всѣхъ нерабочихъ дней среди недѣли и наконецъ, введеніе новаго стиля.

Обратимся теперь *къ административному законодательству.* Читатели наши, вѣроятно, замѣтили, что въ нашихъ предположеніяхъ мало говорится о реформахъ учрежденій, измѣненіи штатовъ, учрежденіи новыхъ должностей и т. п. вопросахъ. Мы дѣйствительно умышленно мало говорили о нихъ, т. к. искренно извѣрились въ какомъ либо значеніи такого рода реформъ. Дѣло не въ штатахъ, не въ должностяхъ, кругѣ ихъ вѣдомства и системѣ подчиненности—скажемъ болѣе—даже подчасъ и не въ людяхъ, ихъ занимающихъ. Дѣло

въ системѣ и въ духѣ общей руководящей вѣдомствомъ политики.

Данный сверху лозунгъ безусловной честности, джентельменства, справедливости и закономѣрности сдѣлаетъ гораздо болѣе, чѣмъ какое нибудь учрежденіе новой должности второго вицегубернатора, завѣдывающихъ полиціей, какого нибудь особаго губернскаго совѣта и т. п. „реформъ"; переобремененности учрежденій мы не признаемъ, т. к. по личному достаточному опыту знаемъ, что во всѣхъ нашихъ учрежденіяхъ это—переобремененность бумажной работой никому ненужной, а не дѣломъ.

Посему въ отношеніи къ насущнымъ реформамъ первой очереди по нашему административному вѣдомству мы склонны ограничиться упомянутымъ уже выше насущнымъ изданіемъ точныхъ законовъ о свободѣ слова, печати, собраній и стачекъ со строгими карами, защищающими честь гражданъ, правительственныхъ лицъ и корпорацій и ихъ неприкосновенность отъ незаконныхъ посягательствъ на таковыя.

Тутъ въ основаніе закона всего предпочтительнѣе положить Англійскую доктрину, еще въ XVI вѣкѣ прекрасно формулированную знаменитымъ Блэкстономъ, вошедшую нынѣ въ плоть и кровь всей англійской юриспруденціи и совершенно игнорируемую русской государственной наукой. Приведемъ потому вкратцѣ ее. „Есть два вида свободы—говоритъ Блэкстонъ—свобода физическая человѣка—говорить, писать и печатать, что ему вздумается, не жалѣя ничьей чести и ничьихъ интересовъ; эта анархическая необузданная свобода нетерпима ни въ одномъ общежитіи, ни въ одномъ государствѣ. Но есть свобода слова, печати и собраній политическая—разумная. Эта свобода является въ томъ случаѣ, если въ разумныхъ цѣляхъ общественныхъ и цѣляхъ защиты неприкосновенности безпорочной чести частныхъ лицъ и учрежденій граждане отказываются отъ доли вышеупомянутой безграничной свободы и ограничиваютъ ее по серьезнымъ, разумнымъ, важнымъ государственнымъ основаніямъ.

Но разъ—продолжаетъ англійская доктрина—ограничительныя основанія, защищающія неприкосновенность чести гражданъ, введены, какъ, напр., недопущеніе лживыхъ свѣдѣній, грубой формы статей, преувеличенія и искаженія фактовъ и т. п., они должны быть поддерживаемы карами самой неумолимой строгости.

Какъ извѣстно, Англійскіе суды налагаютъ штрафы въ десятки тысячъ рублей на издателей и редакторовъ газетъ за проступки, которые у насъ врядъ прошли бы съ обвинительнымъ приговоромъ; Англійскій строй сумѣлъ соединить защиту права публициста опубликовать въ публичныхъ интересахъ и точно всякое событіе и явленіе общественной жизни,—со строжайшимъ наказаніемъ его за опубликованіе позорящихъ кого либо свѣдѣній—непровѣренныхъ, преувеличенныхъ, наконецъ умышленно лживыхъ. По пути этихъ принциповъ Англійскаго права намъ и нужно идти. Успѣшной выработкой закона о политическихъ правахъ интеллигентнаго русскаго гражданина, закона о свободѣ слова, печати и собраній—мы и ограничиваемъ пожеланія обращеныя къ нашему административному вѣдомству, до-

полняя ихъ указаніемъ на насущную важность предоставленія рабочему сословію точнаго закона о законом'рной несоединенной съ насиліемъ и угрозами стачкѣ, о правѣ участія въ ней профессіональныхъ обществъ и о стачечныхъ капиталахъ. Наконецъ рѣшительно неизбѣжной является необходимость полнаго пересмотра нашихъ дѣлъ объ эмигрантахъ и политическихъ осужденныхъ, проявившихъ въ явной формѣ свой патріотизмъ и самопожертвованіе въ дѣлѣ военной защиты родины.

Этими законами заключается циклъ реформъ первой очереди, реформъ, по нашему мнѣнію, особо насущныхъ. Но война и участіе въ ней нашихъ инородцевъ—лояльное—въ подавляющемъ процентѣ—выдвигаетъ еще неминуемый общій вопросъ о возвышеніи правъ инородцевъ до уровня правъ общаго гражданства. Порядочность власти заставляетъ идти на эту мѣру, и—въ связи съ вышеприведенными реформами, клонящимися къ укрѣпленію началъ права и законности, необходимо изданіе *акта о равноправіи въ личныхъ и по имуществу правахъ всѣхъ гражданъ Имперіи.*

Само собой понятно, что мы не отрицаемъ необходимости и важности, кромѣ того, дальнѣйшей разработки реформъ земельной, податной, промышленной, экономическихъ, земскаго управленія и т. д., но то, что мы представили, какъ основныя реформы есть тотъ минимумъ насущныхъ для всѣхъ классовъ населенія Имперіи, для всѣхъ народностей требованій, которыхъ не обойдешь, если мы только искренне сознаемся въ гражданской некультурности и пожелаемъ поднять авторитетъ и достоинство гражданской власти и удержать то почетное мѣсто въ средѣ цивилизованныхъ народовъ, которое намъ дало мужество и доблесть нашего воинства.

Похвастаться предъ иноземцами нашимъ гражданскимъ строемъ, честностью и порядкомъ—увы, мы не можемъ въ настоящее время.

Намъ, возможно, въ заключеніе скажутъ, что это все хорошо, реформы, нами намѣченныя и желательны, но онѣ столь обширны, потребуютъ столь талантливыхъ и столь многочисленныхъ работниковъ, что никогда мы не совладаемъ съ поставленной задачей. Извѣстенъ, вѣдь, нашъ общій припѣвъ „людей нѣтъ“.

На это возраженіе мы скажемъ: конечно, увы, намѣченныя реформы не подъ силу большинству современнымъ дѣятелей, выдвинутыхъ судьбою, а подчасъ и просто случаемъ на арену дѣятельности.

Вопросъ о реформахъ подымется, однако, не отъ того, что два, три, четыре сановника придутъ къ заключенію, что онѣ желательны, а оттого, что всѣ мы почувствуемъ, что война что то внесла новое въ нашу жизнь, что какое то массовое требованіе реформы идетъ снизу вверхъ, что оно уже не остановится предъ насиліемъ надъ строемъ, нежелающимъ признавать его, и что, наконецъ,—главное—исканіе это и разумно и своевременно. Какъ только домогательства эти станутъ ощутительны и будутъ признаны всѣми подлежащими удовлетворенію,—талантливые и сильные дѣятели, которыхъ мы сейчасъ возможно и не видимъ—сами найдутся, а лицедѣи нашихъ дней и претендовать на роль реформаторовъ не станутъ. Благополучно

они незамѣтно покинутъ „съ повышеніями“ или безъ оныхъ свои посты и предоставятъ ихъ работникамъ большаго гражданскаго духа, большей воли, знаній и ума.

Можетъ быть, намъ сдѣлаютъ упрекъ, что мы все указываемъ на роль массъ, домогающихся реформъ, на идущія отъ нихъ требованія измѣненій въ теперешнемъ строѣ. Какова же въ такомъ случаѣ роль руководителей внутренней политики? Неужели они только безвольно поплывутъ по народному теченію ихъ подхватившему? Не низведеніе ли это авторитета Правительственной и даже Верховной власти въ странѣ?

Мы никакъ съ этимъ согласиться не можемъ.

Роль и задача руководителей политики огромная: эти руководители должны проявить громадную проницательность, громадное знаніе и громадное творчество. Они должны—подчасъ по трудно уловимымъ признакамъ опредѣлить, что именно необходимо, какъ опредѣленная реформа въ удовлетвореніе болѣе или менѣе безформенныхъ искательствъ массъ; они же должны выработать и своевременно представить излившеюся въ опредѣленныя нормы и практику всю техническую сложную часть намѣченныхъ реформъ. Это громаднѣйшая задача, *въ немногомъ лишь уступающая задачѣ военной*, и за успѣшное исполненіе ея на благо и спокойное развитіе десятилѣтій гражданской жизни страны низко поклонится весь русскій военный и гражданскій народъ.

F° 2913

V. Какимъ путемъ провести внутреннія реформы.

(Оглашенію не подлежитъ).

Закончимъ наше обсужденіе изложеніемъ вопроса, въ какомъ порядкѣ, какимъ путемъ наилучше провести намѣченныя реформы, если бы настоятельность ихъ была признана очевидной, а проведеніе—подлежащимъ осуществленію.

Съ самаго же начала отмѣтимъ, что не по пути обычнаго порядка разсмотрѣнія и разрѣшенія правительственныхъ вопросовъ возможно вызвать къ жизни реформы такого спеціальнаго и громаднаго государственнаго значенія.

Вѣдь намѣчаемыя техническія измѣненія въ управленіи жизнью государства есть обращеніе нашего—неуравновѣшеннаго строя въ правовое государство. И это дѣлается безъ провозглашенія уже какъ-то, къ сожалѣнію, опошленныхъ у насъ фразъ „о свободахъ“, о „правовомъ строѣ“, о „правахъ гражданина“, „объ уничтоженіи произвола“ и т. д.;—все проводится одной строгой, вдумчивой технической реформой организма страны.

Гражданская свобода, равенство гражданъ и др. лозунги—лозунги безспорные для цивилизованнаго государства и столь ошибочно и нелѣпо толкуемые въ государствахъ мало цивилизованныхъ являются тутъ не цѣлью и задачами политики, а явятся результатомъ ея—и результатомъ уже неминуемымъ и неотразимымъ.

Подобнаго воззрѣнія на практику государственной власти у насъ въ Россіи, къ сожалѣнію, нѣтъ; это англійское воззрѣніе

о задачахъ политики, а мы воспитаны на французской и нѣмецкой доктринахъ съ ихъ многовѣщательными апріорными обобщеніями; ни одна изъ нашихъ политическихъ партій потому не возьметъ, да и не будетъ въ состояніи принять на себя попытку проведенія всего цикла намѣчаемыхъ реформъ въ ихъ стройной совокупности. Начнутся партійные споры, что въ этихъ реформахъ либерально, что консервативно, что можно бы, напр., либераламъ поддержать, напр., уничтоженіе административныхъ каръ, или паспортовъ—и что зазорно—какъ, напр., усиленіе судебныхъ наказаній вообще и усиленіе за проступки печати въ частности..... Однимъ словомъ начнутся пересуды, споры, ссоры, взаимныя обвиненія, нареканія — вся знакомая картинка болѣзни отечественной политической жизни,—отъ которой полностью мы не освободились, увы, и въ наше текущее тяжелое время. Предложить неоформленный общій вопросъ, что намъ дѣлать, на разсмотрѣніе и обсужденіе Государственной Думы и Совѣта—это тоже почти навѣрное значитъ впередъ отказаться и отказаться безспорно отъ проведенія въ скорое время намѣчаемыхъ реформъ.

По внѣшности случится тоже, о чемъ мы упоминали говоря о партіяхъ: пойдутъ внутреннія пренія и безконечныя разногласія между Палатами.

Мы сомнѣваемся, что-бы вышелъ прокъ, если-бы иниціатива проведенія реформъ была захвачена по нынѣшнимъ временамъ большинствами въ нашихъ законодательныхъ палатахъ. Противовѣсомъ явится самая беззастѣнчивая обструкція меньшинства. При поддержкѣ „блока“ массами населенія, эта обструкція возможно и будетъ въ концѣ концовъ сорвана, но—это тяжелый и конечно нежелательный ходъ развитія страны.

Нѣтъ двухъ мнѣній, наконецъ, что не лучше дѣло станетъ, если тотъ же вопросъ предоставить рѣшенію нашихъ вѣдомственныхъ, междувѣдомственныхъ или внѣвѣдомственныхъ правительственныхъ комиссій.

Эти комиссіи не въ состояніи подчасъ разрѣшить какого нибудь сравнительно простого дѣла объ использованіи труда плѣнныхъ или подвозкѣ въ столицу дровъ—куда имъ разрѣшать дѣло о системѣ крупной реформы государственной политики? Гражданское Уложеніе у насъ составляется уже—слава Богу—сорокъ лѣтъ, и еще не закончено; сколько же лѣтъ потребовалось бы для обсужденія правительственными комиссіями коренныхъ вопросовъ, намѣченныхъ въ нашемъ изложеніи?

Какой же путь тогда остается?

Мы предупреждаемъ нашихъ читателей, что лично мы крайне отрицательно относимся къ восхваленію стремленій вмѣшивать проявленія Верховной Власти въ сферу подлежащую при обычномъ теченіи жизни вѣдѣнію учрежденій представительныхъ. Очень ошибаются тѣ, кто думаетъ, что проведеніе какого нибудь пустяшнаго кредита Высочайшимъ повелѣніемъ въ отмѣну постановленія Государственной Думы, неутвержденіе какого либо маловажнаго закона, чѣмъ то затронувшаго чей то частный интересъ и т. п. суть проявленія истиннаго Самодержавія, проявленія той исторической власти, каковая, по ихъ мнѣнію, возложена на Русскихъ Государей судьбами Русской Исторіи.

Впечатлѣніе отъ этихъ вторженій въ будничную работу представительныхъ учрежденій совсѣмъ иное и вовсе не въ пользу тѣхъ принциповъ, которые приверженцы идеальнаго Самодержавія Русскихъ Государей силятся провести.

Совсѣмъ инымъ представляются непосредственныя проявленія автократической власти Монарха въ минуты громаднаго напряженія народной жизни; совсѣмъ иначе воспринимаются эти проявленія, направленныя на разрѣшеніе громаднѣйшихъ по значенію вопросовъ государственнаго быта,—проявленія, облегчающія воспріятіе въ конкретныя рамки закона тѣхъ народныхъ требованій и тѣхъ общественныхъ чаяній, противъ разумности, умѣренности и насущности которыхъ, вѣдь даже и спорить въ настоящее время разумному человѣку нельзя.

Предъ великимъ предусмотрительнымъ починомъ Монарха къ обновленію государственной жизни страны,—починомъ, вызваннымъ не непосредственно военными неудачами и безпорядками внутри страны—благоговѣйно сниметъ шапки весь русскій народъ, и даже если бы впослѣдствіи разработка технической части всего дѣла оказалась бы не такъ удачна, какъ хотѣлось бы,—всего вѣдь сразу не передѣлаешь, и изъ хаоса въ идеальное благополучіе не перейдешь,—мощный зовъ Монарха къ практической насущной работѣ и непосредственное разрѣшеніе имъ части запутавшихся вопросовъ Русской жизни—станетъ навѣки великимъ днемъ исторіи, исторіи не одной Россіи, а исторіи всей Европы и всего цивилизованнаго міра. Будемъ имѣть въ виду, что весь міръ чутко прислушивается нынѣ ко всему тому, что дѣлается въ Россіи и не только на поляхъ войны, но и внутри ея колоссальнаго организма.

Мы сводимъ къ итогу наши предположенія: наилучшимъ—отчасти даже въ цѣляхъ усиленія обаянія Верховной Власти—ходомъ преобразованій было бы безотлагательное проведеніе части назрѣвшихъ реформъ Высочайшими Манифестами:

Таковыми явились бы:

1) Манифестъ о признаніи—въ воздаяніе единодушія всѣхъ народностей Имперіи въ дѣлѣ борьбы съ врагомъ и общей ревности въ дѣлѣ защиты отечества—положенія о равноправіи народностей и объ отмѣнѣ ограниченій религіозныхъ и въ пользованіи мѣстными языками. Публичное пользованіе нѣмецкаго языка воспрещалось бы лишь на все время войны. Вводились бы точныя положенія объ общегосударственномъ языкѣ въ жизни и школѣ, отнюдь не исключающія языковъ мѣстныхъ въ частной и общественной жизни.

2) Манифестъ о гражданскомъ сословномъ равноправіи, о проведеніи началъ точнаго права и законности въ гражданскомъ управленіи Имперіи и о земельномъ устройствѣ. Въ семъ Манифестѣ въ ознаменованіе заслугъ гражданскаго и военнаго населенія вводился бы всесословный судъ и матеріальное право, отмѣнялись бы административныя права по неутвержденію въ выборныхъ должностяхъ, отмѣнялась бы жандармская и административная юрисдикція; вводилось бы понятіе о законной мирной стачкѣ и стачечныхъ фондахъ; намѣчались бы принципы всесословнаго гражданскаго и уголовнаго судопроиз-

водства, со введеніемъ въ законъ точныхъ положеній о нарушеніи границъ свободы слова, печати, собраній; отмѣнялся бы особый порядокъ въ обвиненіи чиновниковъ въ корыстныхъ преступленіяхъ, нынѣ укрывающій ихъ отъ отвѣтственности. Затѣмъ лицамъ, пострадавшимъ на войнѣ, и семьямъ погибшихъ предоставлялось бы право особыхъ льготъ по свободному избранію и дешевому пріобрѣтенію казенныхъ земель, не исключая и лѣсныхъ участковъ при условіи правильнаго хозяйства на нихъ.

3) Спеціальные указы отмѣняли бы паспортную систему заграничную и внутри Имперіи, отмѣняли бы обиліе праздниковъ, вводили бы новый стиль, и ввели бы понятіе гражданскаго наименованія по образу жизни и занятіямъ, а не по рожденію и облегчили бы перемѣну иностранныхъ фамилій на русскія.

4) Наконецъ, особымъ указомъ учреждалось бы установленіе—не по пересмотру отечественнаго законодательства: пересматривать таковое можно и цѣлое столѣтіе,—а по выработкѣ и представленію чрезъ опредѣленный срокъ—нѣсколько мѣсяцевъ—законопроектовъ новаго гражданскаго и уголовнаго уложеній и устава процессуальнаго.

Такимъ образомъ, все, что только возможно по нашему государственному праву, должно бы быть проведено по 87 ст. или въ такъ наз. порядкѣ Верховнаго Управленія и немедленно введено въ дѣйствіе; такъ какъ многія изъ положеній подлежащихъ отмѣнѣ были введены въ русскую жизнь старымъ нашимъ административнымъ законодательствомъ, а не Государственнымъ Совѣтомъ,—отмѣна ихъ Высочайшими Указами или Манифестами не могла бы быть признана нарушающей основные законы.

Но, конечно, полностью вся государственная реформа, даже по существу и объему своему, не можетъ пройти путемъ однихъ лишь волеизъявленій Монарха, и для окончательнаго внесенія въ законы Имперіи многія эти положенія должны быть проведены въ соотвѣтствующихъ законодательныхъ учрежденіяхъ въ общемъ порядкѣ.

Вся часть реформы,—требующая кропотливой разработки, разработки техники, должна быть передана, по изготовленіи проектовъ, на обсужденіе представительныхъ учрежденій.

Громадная работа по разсмотрѣнію и окончательной редакціи уголовнаго и гражданскаго права страны должна быть внесена въ Государственную Думу и Совѣтъ; она всецѣло поглотитъ вниманіе представителей учрежденій, и пусть они ознаменуютъ этой величайшей творческой работой на благо внутренней жизни страны время, когда военная часть населенія жизнью своей отстаивала право на физическое существованіе государства. Одинаково и основной законъ, заключающій въ себѣ положенія о равноправіи долженъ пройти чрезъ представительныя учрежденія.

Часть мелкой, спеціальной, но важной работы должно поручить Совѣту Министровъ.

Указанное признаніе равноправности народовъ, населяющихъ Россію, возможно лишь при изданіи одновременно особыхъ строгихъ законовъ о ростовщичествѣ и закладѣ движи-

мости, о регистраціи профессіональныхъ заимодавцевъ, о субъарендахъ и земельныхъ спекуляціяхъ, о границахъ гражданскихъ и уголовныхъ обмана и мошенничества и т. п. Эти положенія должны пройти подъ видомъ проекта общаго закона или по 87 ст. вслѣдъ за Манифестомъ о равноправіи народностей. Законы эти будутъ изданы для всѣхъ гражданъ Имперіи, но фактически коснутся непосредственно главнѣйше—ново возвышаемаго въ правахъ еврейства; мы считаемъ внѣ всякаго сомнѣнія, что подобными строгими законами вполнѣ возможно парализовать вліяніе на деревню и городъ, по отмѣнѣ черты осѣдлости, порочной части еврейства: нужно только издать предусмотрительный законъ и ввести въ дѣйствіе умѣлый и репрессивный судъ. Законы о равноправіи должны быть несомнѣнно распространены на Галицію, если таковая нами будетъ вновь занята. Какъ уступку весьма распространенному мнѣнію о нелояльности еврейства отдѣльныхъ мѣстностей—мы готовы признать исключеніе такихъ мѣстностей изъ закона о равноправіи—лишь бы не задержать проведенія общаго закона.

Всѣ эти детальныя положенія должны быть выработаны Совѣтомъ Министровъ, и кромѣ того Совѣтъ Министровъ долженъ будетъ провести всю дальнѣйшую обработку общихъ положеній, предуказанныхъ Манифестами и вызываемыхъ требованіями практики и положеній ограничительныхъ.

Въ частности Совѣту Министровъ нужно выработать особыя карательныя постановленія, относительно нарушеній и самовольнаго расширенія безъ того уже имѣющихъ быть достаточно широко намѣченными мѣстныхъ привилегій религій, языка и самоуправленій, предоставляемыхъ населенію окраинъ.

Безграничными оптимистами быть нельзя, и судебныя кары должно положить за умышленное игнорированіе на окраинахъ общегосударственнаго языка, гдѣ пользованіе имъ обязательно, за неимѣніе переводчика, напр., въ мѣстныхъ банкахъ, большихъ магазинахъ по размѣру или числу оконъ болѣе извѣстной нормы, наконецъ за отказъ выслушать заявленіе на русскомъ языкѣ въ городскомъ или земскомъ собраніи.

Въ свою очередь въ новомъ Уложеніи необходимо будетъ внести главу о нарушеніи выработанныхъ точныхъ постановленій, связующихъ окраины съ коренной Россіей;—наложеніе наказаній за таковыя нарушенія должно быть возложено, конечно, исключительно на судебныя реформированныя установленія.

Разработку судебной части, къ сожалѣнію, нельзя предоставить Министерствамъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ. Мы всѣ знаемъ спѣшность законодательныхъ потугъ этихъ вѣдомствъ. Нужно помнить, что „Code Napoléon“, дѣйствующій болѣе ста лѣтъ во Франціи и—какъ это ни странно—являющійся у насъ въ Польшѣ гражданскимъ Россійскимъ закономъ, былъ во Франціи въ три мѣсяца составленъ и проведенъ чрезъ Палату Депутатовъ знаменитымъ Камбасаресомъ. Да и у насъ есть о чемъ упомянуть, коснувшись грандіозности и быстроты законодательныхъ работъ: Сводъ Законовъ, дѣйствующій понынѣ, былъ изъ всего невозможнаго хаоса законодательнаго матеріала—приказаніемъ ИМПЕРАТОРА Николая I-го составленъ въ нѣсколько мѣсяцевъ въ Особыхъ Отдѣленіяхъ Собственной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи.

Возстановленіе законодательной дѣятельности, напр., Собственной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи,—конечно, съ призывомъ въ нее лучшихъ живыхъ юридическихъ силъ страны мы признавали бы абсолютно необходимой; иного учрежденія на такую работу сейчасъ рѣшительно не видно.

Наконецъ, успѣшное проведеніе деталей духовныхъ реформъ въ православномъ вѣдомствѣ можно достигнуть опредѣленными безусловными указаніями чрезъ Синодъ, преподавъ таковыя Оберъ-Прокурору его; реорганизацію же внутреннюю—прихода—провести въ порядкѣ административнаго вѣдомственнаго распоряженія. Важно лишь рѣшиться настоять во всѣхъ церковныхъ вопросахъ на принципѣ отдѣленія личныхъ средствъ клира отъ доходовъ церковныхъ, на принципѣ общей подконтрольности и публичности отчетности послѣднихъ и на принципѣ обезпеченности и большей гражданской самостоятельности и служебной безопасности и спокойствія низшаго и высшаго духовенства.

Высказанными предположеніями мы и заключаемъ наше изложеніе о задачахъ текущей внутренней политики нашей страны.

Мы не коснемся тутъ подробно вопроса о вліяніи внутреннихъ реформъ на войско и—возможно даже на ходъ военныхъ дѣйствій. Это слишкомъ обширная и самостоятельная тема, но все же укажемъ, что связь теченій и настроеній внутренней жизни и удачи военныхъ дѣйствій—громадная и безспорная. Боже упаси забывать это!

Мы всѣ знаемъ, что въ войскахъ участвуютъ и проливаютъ кровь не одни лишь сознательные, совершенно ничтожные въ странѣ консервативные элементы населенія; опозиціонная интеллигенція—прапорщики-офицеры, эманципированные рабочіе, т. наз. передовые крестьяне,—всѣ дружно стоятъ въ рядахъ войскъ за честь и славу родины; сейчасъ они всѣ приняли лозунгъ—на время войны съ внѣшнимъ врагомъ прекратить войну внутри страны противъ правительства и государственнаго строя, что бы они ни творили; но ихъ стойкое мнѣніе: послѣ войны разберемся съ ними.

Намъ думается, что нѣтъ двухъ мнѣній о томъ, что великой и мудрой явилась бы политика, которая на такую поистинѣ невозможную психологію,—къ сожалѣнію, несомнѣнную въ части войска,—заявила бы: нѣтъ, можете всѣ мысли ваши и всю энергію направлять на вашъ непосредственный гражданскій долгъ—на отчаянную борьбу съ внѣшнимъ врагомъ, а воевать внутри страны или думать о томъ вамъ не придется, такъ какъ разумныя и умѣренныя чаянія большинства изъ васъ уже своевременно удовлетворены и своевременно мощно, всей силой концентрированной государственной власти, проводятся въ жизнь страны.

Тоже оптимистическое настроеніе должно всемѣрно осязательно поддержать и у инородцевъ нашихъ, несущихъ на себѣ весь гнетъ войны и оккупацій.

Наконецъ, весьма важно влить струю новой жизни, новыхъ надеждъ и силъ, новой энергіи и духовнаго подъема и во всю массу русскаго населенія, какъ интеллигентную, такъ и низшую,—бодрящуююся, но, въ общемъ, конечно угнетенную

ходомъ войны, нашими потерями и безвыходностью внутренняго кризиса. Подтянуться и воспрять духомъ нужно не только правящей бюрократіи, но и всему военному и гражданскому многомилліонному люду; нуженъ новый стимулъ къ этому, и о немъ должны подумать и позаботиться не только гражданскіе власти, но не менѣе ихъ и начальники военные.

Но какія же въ концѣ концовъ реформы проводятся въ настоящемъ изложеніи—скажутъ намъ читатели: что это либеральныя реформы, или реформы консервативныя? что это октябристская, кадетская, мирнообновленческая программы или чаянія умѣреннаго консерватизма?

Отвѣчая на эти вопросы, мы прежде всего попросимъ читателей отказаться при рѣшеніи большого государственнаго дѣла въ большое государственное время отъ повседневной политической обыденщины, отъ привычки смотрѣть на все съ точки зрѣнія нашего пошлаго политиканства.

Реформы, намѣченныя нами, исходятъ изъ двухъ стимуловъ: порядочности, чистоплотности, моральности власти и принципа соотвѣтствія ихъ разумнымъ требованіямъ времени, совершенно независимо отъ того, подъ какую рубрику ихъ подведутъ наши досужіе политиканы. Государственной власти до этого нѣтъ никакого дѣла; большой интересъ государственной власти—это чистоплотна ли, моральна ли она и разумна ли ея политика—и больше ничего.

Наши пессимисты всегда говорили, что—явись война—поляки перейдутъ въ Австрію, латыши, армяне и грузины объявятъ республику; лѣвые заведутъ смуты внутри страны; „кадеты“ и жиды измѣнятъ и продадутъ родину, а наши политическіе эмигранты разсорятъ насъ съ странами, давшими имъ пріютъ.

Соотвѣтственно тому велась и оправдывалась вся внутренняя политика страны.

Разразилась страшная война, и что же? Польша разорена и занята войсками, но не передалась врагамъ; евреи получаютъ георгіевскіе кресты, а если кое гдѣ и шпіонничаютъ, то ужъ во всякомъ случаѣ не въ масштабѣ подполковника Мясоѣдова; лѣвые внутри страны молчатъ, а сколько костей кадетовъ, эсъ-дековъ и даже эсъ-эровъ лежатъ на поляхъ Пруссіи, Польши и Галиціи, а русскихъ эмигрантовъ—на поляхъ Бельгіи и Франціи—единъ, Господи, Ты веси!

Элементарная порядочность, моральное чувство власти должны побудить ее на нѣчто новое въ своей внутренней политикѣ—и это новое, насколько оно посильно нашему разуму, мы и излагаемъ въ нашихъ предположеніяхъ о ближайшей внутренней политикѣ нашей страны; мы только предуказываемъ, что глубоко разумнымъ было бы, если бы импульсъ къ этимъ неизбѣжнымъ реформамъ былъ бы заблаговременно опредѣленно и откровенно данъ Верховной Властью и правительствомъ; будетъ уже хуже, если онъ явится самъ собой съ болѣзненнымъ запозданіемъ, какъ неизбѣжный законъ развитія здоровой общественной жизни страны; у насъ уже достаточно развито разочарованіе въ предусмотрительности власти, достаточно распространено мнѣніе, что у насъ добровольно власть не идетъ на уступки даже умѣреннымъ народнымъ и обще-

ственнымъ стремленіямъ, о всемъ нужно торговаться, все вынуждать упорствомъ и настойчивостью: потому-то такой успѣхъ и выпалъ у насъ требованію отвѣтственнаго министерства; это былъ поистинѣ крикъ отчаянія мыслящей части русскаго общества въ отвѣтъ на рѣшительное нежеланіе или неспособность гражданской власти двинуться съ натоптаннаго мѣста. А вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы прямо таки политически нежелательно, если бы правительственная власть выпустила благородную иниціативу реформъ изъ своихъ рукъ, и она была бы проведена по настоянію возбужденныхъ массъ, массъ,—все же мы должны съ этимъ считаться,—глубоко некультурныхъ и склонныхъ къ политическимъ эксцессамъ и политической неумѣренности.

Быть власти въ настоящее время самообольщенной предположеніемъ, что все у насъ прекрасно, что никакихъ реформъ не нужно, что война ничего новаго не внесла и не внесетъ въ ближайшемъ теченіи русской жизни и что нечего безпокоить власть общественнымъ сомнѣніямъ и настояніямъ,—столь же пагубно и преступно, какъ говорить, что нашъ внѣшній врагъ уже разбитъ, умираетъ съ голоду и не имѣетъ металла для снарядовъ.

И тутъ и тамъ положеніе болѣе серьезное и неудовлетворительное нынѣ, и если говорить о побѣдѣ надъ внѣшнимъ врагомъ — Германцемъ и внутреннимъ врагомъ — отчаяннымъ неустройствомъ жизни—тутъ и тамъ нужно стремиться *достичь побѣды колоссальнымъ повышеніемъ техники въ веденіи дѣла*, въ первомъ случаѣ—техники механической военной, техники снаряженія, во второмъ—техники законодательной, техники болѣе талантливаго внутренняго управленія нашей громадной страной.

Наконецъ, послѣдній вопросъ: какую позицію по проведеніи реформъ занять правительственной власти по отношенію къ бурлящей Государственной Думѣ, по отношенію къ строптивымъ Земскому и Городскому Союзамъ, да къ „неблагомыслящимъ“ дворянствамъ, земствамъ и городамъ?

Отвѣтъ на это очень простой:—никакой позиціи не занимать и о ней даже не думать, т. к. всѣ эти установленія въ подавляющемъ большинствѣ своихъ составныхъ частицъ съ глубочайшимъ удовлетвореніемъ, искреннѣйшимъ привѣтствіемъ и патріотическимъ восторгомъ воспримутъ новыя просвѣщенныя реформы—залогъ полной гармоніи Монарха, войска, правящаго слоя и общества на истинный—какого уже не скроешь—страхъ врагамъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЗАПИСКѢ О ЗАДАЧАХЪ НАШЕЙ БЛИЖАЙШЕЙ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ.

Примѣчаніе. Ввиду не требующей поясненій невозможности изложенія законодательныхъ предположеній въ формѣ, упоминаемой въ запискѣ, эти предположенія излагаются въ формѣ проэктовъ Актовъ Гос. Думы.

Оглашенію не подлежитъ.

Законопроектъ о равноправіи народностей, Россійскую Имперію населяющихъ, о гражданскомъ равноправіи внутри страны, объ отмѣнѣ административныхъ полномочій и о земельномъ устройствѣ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Проектъ проводитъ мысль о возведеніи правъ гражданскихъ населенія Польши, Кавказа и другихъ окраинъ и въ частности правъ евреевъ—до уровня личныхъ и имущественныхъ правъ коренного населенія Имперіи. Въ семъ законопроектѣ проведена основная мѣра, устраняющая въ награду за участіе въ защитѣ государства существующее нынѣ приниженное положеніе большихъ группъ инородцевъ Россіи.

Ни вопроса автономіи, ни вопроса о мѣстномъ самоуправленіи и вообще о правахъ политическихъ текстъ проекта не затрагиваетъ, такъ какъ эти вопросы не суть, казалось бы, вопросы исключительной, первостепенной, спѣшности, разъ было бы проведено само по себѣ громадной важности общее уравненіе и соединеніе народностей Имперіи. Проектъ поглощаетъ въ себѣ въ частности объявленіе Верховнаго Главнокомандующаго Польшѣ о личныхъ и имущественныхъ правахъ сей окраины, но распространяетъ льготы и на иныя части Имперіи и иныя народности, какъ то: армянъ, грузинъ, русскихъ нѣмцевъ, литовцевъ, латышей и др., проявившихъ немалую воинскую доблесть въ настоящей войнѣ.

Нынѣ по занятіи врагомъ всей Польши и болѣе двухъ третей губерній еврейской осѣдлости было бы совершенно невозможнымъ не обѣщать и не предоставить симъ народностямъ по возвращеніи этихъ губерній Россіи по крайней мѣрѣ того же, что имъ уже предоставлялось Германцами. Нормъ, ограничивающихъ въ частности евреевъ, Германія и Австро-Венгрія не знаютъ, конечно таковыхъ не введутъ, и русское еврейство съ захватомъ русскихъ губерній, такъ сказать, возвышается въ гражданскихъ правахъ; другими словами, возвращеніе захваченной врагомъ территоріи къ Россіи будетъ очень серьезнымъ пораженіемъ гражданскихъ правъ евреевъ. Нужно имѣть необыкновенный оптимизмъ и увѣренность въ русскихъ чувствахъ западныхъ евреевъ, что бы разсчитывать на ихъ массовое содѣйствіе, радость и стремленіе возвращенія подъ русскую ограничительную систему. А отсутствіе содѣйствія войску со стороны населенія въ занимаемой территоріи—это или военная неудача, или удача, купленная жертвой лишнихъ сотенъ тысячъ солдатъ. Это нужно помнить дальновиднымъ гражданскимъ правителямъ.

Затѣмъ проектъ закона предоставляетъ громадныя выгоды всему населенію Имперіи, какъ интеллигентнымъ классамъ, такъ и сословіямъ низшимъ. Первымъ предоставляется техническое введеніе такъ на-

зываемаго правоваго порядка въ управленіе государствомъ, вторымъ урегулированіе вопроса о взаимодѣйствіи капитала и труда—для рабочихъ и широкое предоставленіе развитія земельнаго хозяйства — для крестьянъ и вообще лицъ, ищущихъ вернуться къ земледѣлію. Приведенная въ проектѣ мѣра о парцеляціи государственныхъ земель проводится въ частности, какъ необходимая мѣра обратить значительнѣйшія сбереженія населенія, накопляемыя нынѣ въ сберегательныхъ кассахъ,—въ землю и симъ погасить этотъ значительный государственный внутренній заемъ. Нынѣ государственныя земли не продаются и въ громадномъ количествѣ лежатъ совсѣмъ втунѣ, убивая подчасъ, напр., въ Сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ почти вся земля государственная, частную предпріимчивость и иниціативу.

ПРИМѢРНЫЙ ТЕКСТЪ ЗАКОНОПРОЕКТА.

„Въ неисповѣдимыхъ промыслахъ своихъ угодно было Всемогущему Богу ниспослать Отечеству нашему великое и тягчайшее испытаніе.

Коварный врагъ, недавно завѣрявшій еще въ дружбѣ Россіи, зорко слѣдилъ за неустройствомъ внутренней жизни нашей страны и, избравъ подходящее время, вторгся съ громадными силами въ предѣлы Имперіи Россійской.

На защиту Государства своего единодушно воспряли всѣ великіе и малые народы, Имперію Россійскую населяющіе, и граждане Россійскіе всѣхъ званій и состояній, ставъ въ ратные ряды, въ общемъ порывѣ твердо и единодушно противустали дерзкой мощи врага и не только удержали въ началѣ кампаніи наступленіе дерзкаго врага вглубь страны, но съ помощью Божіей пріобщили къ Коронѣ Россійской благосостоятельную и изобилующую богатствами нѣдръ цѣлую область древней Червонной Руси.

Призвавъ все мужское населеніе свое въ войска и снабдивъ его количествомъ орудій и снаряженій, въ исторіи войнъ небываломъ, врагъ вновь захватилъ часть завоеванной Россійскимъ воинствомъ Галиціи, и упорно продвигаясь далѣе нынѣ даже полностью занялъ обширныя и богатыя западныя области Имперіи Россійской.

Не закрѣплены однако за врагомъ пріобрѣтенія его, и войска наши столь же доблестныя какъ и прежде ждутъ лишь указаній о новомъ — когда сіе по времени потребно будетъ — движеніи впередъ на изгнаніе врага изъ предѣловъ родной земли.

Безгранично велика въ дѣлѣ защиты отечества заслуга предъ Престоломъ и Родиной доблестнаго воинства Россійскаго, кровью и жизнью свой подвигъ запечатлѣвшаго. Значительна заслуга и гражданскаго населенія страны, повсемѣстно единодушно прилагающаго всѣ силы ко святому дѣлу помощи воинству и не омрачившаго великаго подвига войны ни страхомъ, ни смятеніемъ духа, ни внутренними распрями и пререканіями,

. . . . . .

Ограничиваясь нынѣ лишь проведеніемъ тѣхъ законовъ, насущность коихъ вынуждается обстоятельствами военными и имѣетъ цѣлью сплоченіе всѣхъ силъ государства Россійскаго

къ дружной и нестѣсняемой работѣ на побѣду надъ врагомъ и на борьбу съ порочностью и корыстолюбіемъ внутри страны,

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА въ воздаяніе вмѣстѣ съ тѣмъ ревности въ общемъ военномъ дѣлѣ неполноправныхъ народностей и группъ государства Россійскаго и въ ознаменованіе общей плодотворной работы въ дѣлѣ защиты отечества—въ спѣшномъ порядкѣ, оставляя частности на разсмотрѣніе дальнѣйшихъ засѣданій Государственной Думы,

постановляетъ:

I

внести нижеслѣдующія отмѣны и измѣненія въ дѣйствующія узаконенія:

1) Отмѣнить во всемъ объемѣ ограниченія жительства и правъ собственности отдѣльныхъ націй Имперіи, равно какъ и существующія ограниченія религіозныя и ограниченія въ пользованіи мѣстными языками и нарѣчіями, предоставивъ каждому гражданину Имперіи безпрепятственно исповѣдывать избранное имъ вѣроученіе и пользоваться роднымъ языкомъ въ частной, промышленной, литературной и публичной жизни, въ обществахъ и собраніяхъ.

2) Признать за положенія связующія всѣ племена въ единую и нераздѣльную Имперію Россійскую:

а) общегосударственность русскаго языка въ сношеніяхъ съ центральными установленіями Имперіи и высшими мѣстными органами Имперской власти, а равно въ производствѣ высшихъ мѣстныхъ судовъ;

б) преподаваніе въ казенныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ не менѣе половины предметовъ на общегосударственномъ языкѣ, а въ заведеніяхъ частныхъ—не менѣе одного изъ главнѣйшихъ

в) Обязательное знаніе русскаго языка въ болѣе значительныхъ коммерческихъ учрежденіяхъ;

3) Ввести производство и допустить преподаваніе на мѣстныхъ языкахъ на основаніяхъ въ п. б главы второй указанныхъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ больше половины жителей въ губерніи говоритъ не на общегосударственномъ языкѣ и не принадлежитъ къ русскому племени; въ случаѣ смѣшанности населенія производству и преподаванію быть на томъ языкѣ, на коемъ говоритъ болѣе половины населенія губерніи. Если же такого большинства нѣтъ—производство и преподаваніе надлежитъ вести на языкѣ общегосударственномъ.

4) Въ изъятіе предыдующаго пункта производству въ судахъ быть всюду въ Имперіи по возможности на языкѣ большинства мѣстнаго населенія даннаго города или уѣзда.

5) Признать, однако, незыблемымъ правомъ коренного русскаго гражданина при обращеніи въ судебныхъ и административныхъ установленіяхъ и въ болѣе значительныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ пользоваться, при недостаточности знанія мѣстнаго языка, русскимъ языкомъ и требовать полнаго ознакомленія чрезъ переводчика или инымъ путемъ съ ходомъ производства и съ дѣломъ, его участія касающихся.

На письменное на общегосударственномъ языкѣ обращеніе при изложенныхъ условіяхъ отвѣтъ долженъ послѣдовать одинаково на языкѣ общегосударственномъ.

6) Всемѣрно поощрять занятіе мѣстныхъ должностей лицами и мѣстнаго происхожденія при условіи, однако, чтобы въ видахъ ознакомленія съ общегосударственной жизнью, кандидаты на мѣстныя должности занимали до того должности во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

7) Означенныя въ 1, 2, 5 и 6 частяхъ сего закона положенія о равноправіи ввести немедленно на пространствѣ Имперіи за исключеніемъ еврейскаго населенія тѣхъ губерній, кои по отзыву начальства военнаго и дальнѣйшему разслѣдованію омрачили образомъ своихъ дѣйствій общее благонамѣренное настроеніе евреевъ, въ Россійской Имперіи проживающихъ; проведеніе мѣръ, въ частяхъ 3 и 4 указанныхъ начать съ спѣшной постепенности съ мѣстностей, особо пострадавшихъ отъ дѣйствій военныхъ и особо проявившихъ военную доблесть въ борьбѣ съ врагомъ.

8) Предоставляя настоящимъ закономъ всѣмъ Россійскимъ гражданамъ, не исключая и лицъ происхожденія нѣмецкаго, каковыхъ не малое число доблестно служитъ въ рядахъ армій россійскихъ, права безпрепятственнаго и свободнаго впредь пользованія ихъ религіей и языкомъ, нельзя съ тѣмъ вмѣстѣ признать публичное пользованіе языкомъ врага во время тяжкой и кровавой съ нимъ войны допустимымъ, умѣстнымъ и соотвѣтственнымъ долгу вѣрноподданничества россійскихъ гражданъ происхожденія нѣмецкаго. Посему мѣстныя власти имѣютъ неукоснительно и строжайше наблюсти за полнымъ изъятіемъ на все время войны употребленія нѣмецкаго языка въ мѣстахъ публичныхъ и собраніяхъ офиціальныхъ, гдѣ бы то ни было на пространствѣ всей Имперіи Россійской.

9) Выработать въ подлежащихъ установленіяхъ для внесенія до истеченія средины 1916 года, въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ проектъ всесословнаго Гражданскаго и Уголовнаго Уложенія Имперіи, съ устраненіемъ нынѣшней сословности крестьянскаго суда и имущества и со включеніемъ въ Уголовный Законъ положеній о свободѣ слова, печати, собраній, обществъ и мирныхъ, безъ насилія стачекъ,—въ видѣ статей, опредѣленно устанавливающихъ, что есть нарушенія оной свободы, влекущія уголовныя кары.

10) Внести одновременно въ томъ же порядкѣ измѣненія въ дѣйствующія судебныя установленія въ цѣляхъ повышенія достоинства, значенія и житейской цѣнности судебныхъ приговоровъ и рѣшеній первыхъ судебныхъ инстанцій, путемъ признанія таковыхъ по менѣе сложнымъ дѣламъ—вступающими въ законную силу и подлежащими исполненію независимо отъ дальнѣйшаго обжалованія.

11) Отмѣнить повсемѣстно положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, а равно примѣненіе административныхъ наказаній, допускаемымъ спеціальными Уставами.

12) Отмѣнить существующій особый порядокъ въ возбужденіи и производствѣ дѣлъ по обвиненію лицъ служащихъ—въ преступленіяхъ корыстныхъ и преданіи ихъ суду.

13) Отмѣнить утвержденіе административною властью лицъ,

избранныхъ на должности какъ собраніями дворянскими, такъ и собраніями земскими, городскими и волостными сходами.

14) Отмѣнить ограниченія въ земскомъ дѣлѣ, установленныя для лицъ происхожденія не дворянскаго.

15) Отмѣнить уставъ о паспортахъ полностью.

16) Снять тяготѣвшія надъ лицами русскаго происхожденія, вступившими въ союзныя войска, запрещенія къ возвращенію на родину и прекратить всѣ дѣла политическія о лицахъ, проявившихъ похвальное участіе въ защитѣ отечества.

Внося въ законы Имперіи для точнаго руководства всѣми государственными установленіями указанныя значительнѣйшія измѣненія въ образѣ управленія всей страной, Государственная Дума твердо уповаетъ, что всѣ граждане Россійскіе, глубоко проникшись величайшей важностью намѣчаемыхъ реформъ, вящшей преданностью Престолу и гражданскимъ разумѣемъ облегчатъ благоуспѣшное и спокойное введеніе въ жизнь народную сихъ началъ порядка правового въ дѣлѣ государственнаго и мѣстнаго управленія страной.

II.

Независимо сего, въ воздаяніе военныхъ заслугъ населенія Имперіи, въ цѣляхъ дарованія особыхъ льготъ земледѣльческому сословію страны и въ цѣляхъ общаго развитія отечественнаго сельскаго хозяйства

Государственная Дума постановляетъ:

1) Предоставить право всѣмъ гражданамъ Имперіи, кои лично—или члены семействъ коихъ приняли участіе въ службѣ военной въ текущую кампанію, пріобрѣтать впредь въ личную собственность по низкой оцѣнкѣ отдѣльные участки въ пахотныхъ, лѣсныхъ, покосныхъ и иныхъ угодьяхъ въ земляхъ Европейской и Азіатской Россіи, принадлежащихъ къ имуществамъ государственнымъ, гдѣ бы таковыя не находились.

2) Предоставить право покупателю намѣтить отводъ себѣ участка въ любомъ по средствамъ его размѣрѣ и въ любомъ по его выбору мѣстѣ казенныхъ дачъ, если таковое не находится подъ спеціальной культурой; оцѣнка имѣетъ быть производима въ размѣрѣ двухъ третей мѣстныхъ продажныхъ цѣнъ, а въ случаѣ отсутствія оцѣнокъ въ данной мѣстности—по оцѣнкѣ землеустроительныхъ комиссій съ опубликованіемъ таковыхъ оцѣнокъ во всеобщее свѣдѣніе.

3) Крестьянскому банку имѣть заботу объ исключительномъ не въ примѣръ прочимъ облегченіи понесшимъ раненія и контузіи, а равно семьямъ лицъ, положившимъ жизнь свою за родину за текущую войну—пріобрѣтенія означенныхъ участковъ. Въ сихъ цѣляхъ крестьянскій банкъ имѣетъ выдавать покупщикамъ сего рода ссуды въ размѣрѣ четырехъ пятыхъ назначенной продажной цѣны участковъ и удовлетворять ихъ ходатайствамъ преимущественно предъ прочими.

4) При покупкѣ участковъ лѣсныхъ въ цѣляхъ охраненія лѣсовъ въ государствѣ, назначать ежегодныя вырубочныя дѣлянки по плану хозяйства участка.

5) На лицъ, семьи коихъ пробыли въ подданствѣ Россіи менѣе пятидесяти лѣтъ, а равно на финляндцевъ, кои не при-

нимали участія въ военныхъ дѣйствіяхъ въ текущую войну, означенныя льготы распространенію не подлежатъ.

6) Земли изъятыя изъ пользованія иностранцевъ и колонистовъ поступаютъ въ продажу по тѣмъ же указаннымъ основаніямъ; наивысшій размѣръ продаваемаго одному лицу участка опредѣляется въ двѣсти десятинъ въ губерніяхъ центральныхъ, пятьсотъ—въ губерніяхъ сѣверныхъ и тысячу десятинъ въ губерніяхъ сибирскихъ".

II.

Проектъ закона о свободѣ передвиженія внутри и внѣ имперіи и о гражданскомъ наименованіи и званіи.

Проектъ закона имѣетъ цѣлью разъ навсегда покончить съ безконечными комиссіями по вопросу объ отмѣнѣ и измѣненіи паспортной системы; кромѣ того, путемъ закона вводится понятіе гражданскаго званія и дается русскимъ патріотамъ нѣмецкаго происхожденія, не носящимъ, напр., историческихъ фамилій, возможность легко и просто внѣшне пріобщиться къ русской жизни.

О паспортахъ двухъ мнѣній быть не можетъ: какъ извѣстно, политическіе и уголовные преступники—рублей за пять могутъ во всякій моментъ имѣть фальшивый паспортъ внутренній и заграничный; честные же люди ждутъ подчасъ по двѣ, по три недѣли полученія за двадцать рублей заграничнаго паспорта къ громадному ущербу спѣшныхъ личныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ и къ полному убійству духа заграничной предпріимчивости и коммерціи—среди русскихъ торговцевъ; на этомъ отчасти и основывается нѣмецкое торговое преимущество.

Одинаково не нуженъ паспортъ и въ военномъ дѣлѣ страны, что доказывается прекрасной регистраціей военнаго сословія за границей внѣ всякихъ паспортныхъ мѣропріятій. Нынѣшняя война показала, что для насъ граница съ Германіей была стѣною, за которую нашъ глазъ, благодаря паспортнымъ затрудненіямъ не проникалъ; германцы же съ ихъ бумажками о самоличности знали каждый уголокъ каждой пограничной мѣстности, не будучи вовсе профессіональными шпіонами до войны. Эти ихъ познанія очень пригодились для германской стратегіи.

Насущность введенія гражданскаго званія особо ясно обрисовывается на судебныхъ процессахъ: появляющіеся въ качествѣ сторонъ или свидѣтелей вполнѣ интеллигентные по внѣшности бухгалтеры и члены банковъ, получающіе по десяткамъ тысячъ жалованья, почетные коммерсанты—милліонеры родомъ изъ казачьихъ городовъ, первоклассные артисты частныхъ театровъ, журналисты — публично официально означаются по происхожденію ихъ и къ удивленію публики и личной нѣкоторой неловкости громогласно именуются подчасъ крестьянами—такой то губерніи, уѣзда и деревни. Часто въ деревнѣ, къ коей они приписаны, они никогда за жизнь и не бывали. Рядомъ съ тѣмъ полуграмотный воришка торжественно называется по происхожденію „дворяниномъ". Также эти лица прописываются по происхожденію въ полиціи и отмѣ-

чаются въ государственной статистикѣ, что даетъ совершенно ложную картину дѣйствительному населенію городовъ и губерній. Перечень званій принятыхъ въ проектѣ взятъ изъ англійскаго права.

I.

„Для облегченія сношеній съ дружественными иноземными странами, а равно и для облегченія подданнымъ Имперіи Россійской сношеній и проживанія внутри страны, Государственная Дума симъ постановляетъ:

Совершенно отмѣнить положеніе о паспортахъ внутреннихъ и заграничныхъ.

Во избѣжаніе употребленія въ преступныхъ цѣляхъ со стороны лицъ злонамѣренныхъ предоставляемой настоящимъ закономъ свободы передвиженія, вслѣдъ за симъ имѣетъ быть изготовленъ проектъ статей для внесенія въ уголовные законы—о наказаніи за укрывательство съ преступной цѣлью дѣйствительнаго имени, отчества, фамиліи, занятій и мѣста жительства, а равно и за отказъ дать таковыя на формальный запросъ чиновъ администраціи и полиціи.

Изданныя въ военное время распоряженія военныхъ властей о невыѣздѣ за границу государства остаются въ силѣ до дня заключенія мира.

Частнымъ и официальнымъ лицамъ не возбраняется ходатайствовать предъ губернской администраціей и соотвѣтствующимъ начальствомъ, о выдачѣ имъ особыхъ удостовѣреній личности; таковыя должны быть снабжаемы фотографической карточкой просителя и подписью его.

II.

Въ случаяхъ официальныхъ и въ правительственныхъ бумагахъ граждане Россійской Имперіи имѣютъ впредь именоваться по имени, отчеству, фамиліи, мѣстожительству и гражданскому званію.

Гражданское званіе опредѣляется не по происхожденію, а по занятіямъ и образу жизни.

По званію гражданъ таковые дѣлятся на: крестьянъ, землевладѣльцевъ, арендаторовъ и помѣщиковъ; по преимуществу городскіе обыватели дѣлятся на рабочихъ, мастеровъ, торговцевъ, гражданъ города; служителей, коммерческихъ служащихъ, коммерсантовъ, капиталистовъ, интеллигентовъ, чиновниковъ и дворянъ; духовныхъ и военныхъ. Дворянами и помѣщиками именуются лица принадлежащіе къ дворянскимъ родамъ, вписаннымъ въ губернскія родословныя книги и владѣющіе недвижимостью; гражданами города—владѣльцы ценза по недвижимости въ городахъ.

III.

Россійскимъ подданнымъ иностраннаго и инородческаго происхожденія, а равно лицамъ пробывшимъ въ русскомъ подданствѣ не менѣе пятидесяти лѣтъ, или родъ коихъ состоитъ въ русскомъ подданствѣ не менѣе сего срока, предоставляется

право замѣнять свои фамиліи русскими фамиліями женъ, матерей и свойственниковъ, а равно фамиліями передѣланными и переводными съ ихъ иностраннаго наименованія, заявляя о сей замѣнѣ за себя и за несовершеннолѣтнихъ дѣтей мѣстному Губернскому, Областному или Войсковому Правленію. Фамиліи дворянскихъ родовъ, занесенныхъ въ 5 и 6-ю части Россійской Родославной Книги, могутъ быть присвоемы лишь по особому Высочайшему соизволенію".

III.

Проектъ закона о введеніи новаго календарнаго времени и о пріуроченіи прославленія праздничныхъ дней ко днямъ воскреснымъ.

Вопросы объ уменьшеніи числа праздниковъ и введеніи новаго стиля—также одинъ изъ излюбленныхъ вопросовъ нашихъ вѣдомственныхъ комиссій. Было бы весьма соотвѣтственнымъ, вмѣстѣ со общей реформой строя разрубить однимъ закономъ и этотъ Гордіевъ узелъ нашей жизни и симъ присоединить Россію къ общему Европейскому общенію. Наши многочисленные праздники нынѣ такъ совпадаютъ, что подчасъ послѣдовательно три, даже четыре дня оказываются безъ торговли и безъ работъ фабрикъ. Это—нѣчто нетерпимое для порядка культурной внутренней жизни особо въ военное время. Цивилизованный міръ будетъ горячо также привѣтствовать и пріобщеніе наше къ общему міровому празднованію дня новаго года и другихъ всемірныхъ праздниковъ. Вопросъ о праздникахъ,—вопросъ гражданской, а не церковной администраціи, такъ какъ дѣло главнѣйше заключается въ непризнаніи дней среди недѣли за неприсутственные и въ обязательности закрытія промышленныхъ предпріятій въ Имперіи лишь разъ въ недѣлю по воскресеньямъ и еще немногимъ праздничнымъ днямъ господствующей націи.

„Въ цѣляхъ облегченія сношеній съ иноземными странами и упорядоченія экономическаго оборота внутри страны, Государственная Дума симъ постановляетъ:

Исправить неточность принятаго въ обиходъ нынѣшняго исчисленія чиселъ и мѣсяцевъ и ограничить число неприсутственныхъ дней въ году. Во исполненіе сего:

Всѣмъ Правительственнымъ, Военнымъ и Гражданскимъ установленіямъ по мииованіи имѣющаго наступить 17-го числа . . . . . мѣсяца, непосредственно слѣдующимъ днемъ надлежитъ считать первое . . . . . мѣсяца.

Всѣ церковные праздники и дни прославленій святыхъ за сіи 13 дней переносятся въ порядкѣ послѣдовательности на первые тринадцать дней мѣсяца для совокупнаго прославленія ихъ съ таковыми же праздниками и днями, бывшими намѣченными на мѣсяцъ . . . . . .

Неприсутственными днями, днями отдыха отъ труда и днями закрытія промышленныхъ и торговыхъ предпріятій признавать на пространствѣ всей Имперіи дни воскресные, день Новаго Года и тезоименитства Царствующаго Монарха. Въ цѣляхъ же предоставленія возможности всѣмъ чтущимъ празд-

ники церковные безпрепятственно посѣщать соотвѣтственныя праздничныя богослуженія, не отвлекаясь отъ повседневныхъ занятій и обязанностей, всѣ церковные и гражданскіе праздники начиная, съ . . . . . пріурочить въ прославленіи по возможности къ церковнымъ службамъ предшествующихъ имъ воскресныхъ дней.

Инославныя вѣроисповѣданія имѣютъ учинить соотвѣтственныя сему распоряженія, согласно правиламъ своихъ религій".

IV.

Проектъ закона объ особыхъ торговыхъ льготахъ союзникамъ Россійской Имперіи на время войны.

По недосмотру, а возможно—(не хотѣлось бы сему вѣрить)—умыслу не допустить конкурренціи Германскихъ товаровъ со стороны Англіи и Франціи во время закрытія границъ Германіи—Министерство Финансовъ вскорѣ послѣ объявленія войны подняло весь таможенный тарифъ. Теперь русскіе торговцы, кромѣ затрудненій, соединенныхъ съ перевозкой товаровъ и съ завязываніемъ новыхъ сношеній съ новыми фирмами союзныхъ странъ, принуждены повысить цѣны товаровъ еще изъ за увеличенія ввозныхъ пошлинъ.

Почему то еще присоединились затрудненія военной инспекціи части грузовъ. Всѣ эти мѣры очень затрудняютъ торговыя сношенія съ Англіей, Франціей и Италіей, заставляютъ торговцевъ выжидать возобновленія торговли на прежнихъ основаніяхъ съ Германіей и совершенно не выписывать товаровъ, и крайне радуютъ Германцевъ и ихъ приверженцевъ.

Проектъ закона кладетъ предѣлъ этому странному положенію вещей, предпочитая потерѣ сравнительно нынѣ ничтожнаго таможеннаго дохода—развитіе и облегченіе крайне намъ нужныхъ торговыхъ сношеній съ союзниками.

Одинаково, ввозъ части товаровъ, каковые явились бы конкурренціей наладившемуся русскому производству можно бы выдѣлить изъ общаго правила; нынѣ такой конкурренціи нѣтъ, т. к. привозъ всего слишкомъ ничтоженъ, увеличеніе его не предвидится вскорѣ, а завязываніе новыхъ сношеній русской торговли съ Англіей, Франціей, Италіей и Японіей—крайне необходимо.

„Возгорѣвшаяся война съ народами Германскими указала на нетерпимую болѣе зависимость торговаго оборота Государства Россійскаго отъ рынковъ и коммерческихъ предпрятій Германіи и Австро-Венгріи.

Взаимный обмѣнъ товарами и произведеніями почвы, будучи въ существѣ своемъ залогомъ сближенія и содружества націй, явился опасностью всему экономическому состоянію и развитію нашей страны, когда отдѣльныя отрасли ввозныхъ товаровъ оказались въ ущербъ дружественнымъ намъ странамъ, всецѣло переданными и захваченными Германіей и Австро-Венгріей.

Въ заботахъ поощренія нынѣ отечественной промышленности и торговли и укрѣпленія торговыхъ связей съ народами

союзными, и принявъ во вниманіе затрудненія сношеній съ Россіей въ текущее время, Государственная Дума постановляетъ:

1) На время войны и затруднительности ввоза совершенно отмѣнить всѣ пошлины и таможенные сборы, а равно и досмотръ товаровъ, поступающихъ въ предѣлы Имперіи изъ странъ, состоящихъ въ войнѣ съ Германіей и ея союзниками и, по удостовѣренію мѣстныхъ властей, составляющихъ предметъ ихъ внутренняго производства.

2) Разрѣшить товарамъ симъ безпрепятственно слѣдовать по мѣсту ихъ назначенія, предоставивъ военнымъ и гражданскимъ властямъ лишь право требовать своего присутствія при вскрытіи на мѣстѣ полученія товаровъ, если таковые возбудятъ сомнѣнія въ ихъ законности и происхожденіи.

3) О послѣдующей отмѣнѣ сего распоряженія—объявить и опубликовать не ранѣе двухъ недѣль до введенія ея".

Тип. Гл. Упр. Уд.